

Другая история Сексуально- гендерное диссидентство в революционной России

*Дэн
Хили*

Современная
критическая
мысль

Музей
современного
искусства
«Гараж»

Москва, 2022

УДК 930.85

ББК 63.3(2)

X45

Хили, Дэн.

Другая история. Сексуально-гендерное диссидентство в революционной России / Дэн Хили. Пер. с англ. и науч. ред. Татьяны Клепиковой. – М.: Музей современного искусства «Гараж», 2022. – 520 с.

«Другая история: Сексуально-гендерное диссидентство в революционной России» – это первое объемное исследование однополую любви в России, в котором анализируются скрытые миры сексуальных диссидентов в решающие десятилетия накануне и после большевистской революции 1917 года. Пользуясь источниками и архивами, которые стали доступны исследователям лишь после 1991 г., оксфордский историк Дэн Хили изучает сексуальные субкультуры Санкт-Петербурга и Москвы, показывая неоднозначное отношение царского режима и революционных деятелей к гомосексуалам. Книга доносит до читателя истории простых людей, жизни которых были весьма необычны, и запечатлевает голоса социального меньшинства, которые долгое время были лишены возможности прозвучать в публичном пространстве.

GARAGE

ISBN 978-5-6045382-6-5

Все права защищены

© Музей современного искусства «Гараж», 2022

© Дэн Хили, текст, 2001

© Константин Ерёменко, дизайн-макет, 2022

Оглавление

4	Предисловие автора к новой редакции перевода (2021 год)
12	Предисловие
17	Аббревиатуры учреждений, организаций и обществ
54	Часть первая Однополый эрос в модернизирующейся России
	Глава 1 Артель развратников
104	Глава 2 «Наш круг»
145	Часть вторая Регулирование гомосексуального влечения в революционной России
	Глава 3 Эвфемистичность и избирательность
185	Глава 4 «Странный субъект» и язык модерности
232	Глава 5 Извращение или извращенность?
280	Глава 6 «Бесконечное количество средних полов»
333	Глава 7 «Может ли гомосексуалист состоять членом коммунистической партии?»
375	Часть третья Гомосексуальная реальность в «реальном» социализме
	Глава 8 «Пойман с поличным»
415	Эпилог Двойные тиски ГУЛАГа и клиники
455	Послесловие
465	Приложение Сколько всего жертв закона против мужеложства?
474	Библиография
492	Иллюстрации

Предисловие автора к новой редакции перевода (2021 год)

Это исправленное издание моей первой книги, я надеюсь, станет ценным вкладом в российские ЛГБТК-исследования. Моя книга, которая изначально была опубликована на английском языке в 2001 году, была переведена на русский язык и выпущена издательством «Ладомир» в Москве в 2008 году. С тех пор в российских ЛГБТК-исследованиях многое изменилось, и мне хотелось бы прокомментировать, как возникли две предыдущие версии книги и чем отличается от них новое издание.

Моя книга на английском языке была результатом исследования, которое я проводил с начала 1990-х годов для получения докторской степени по истории в Университете Торонто в Канаде. В 1995–1996 годах я жил в Москве и искал материалы в российских архивах и библиотеках. В то время в государственных архивах и библиотеках России редко можно было встретить компьютерные каталоги, и я работал с каталогами библиотечных карточек и архивными описями, чтобы найти материалы о гомосексуальности.

Конечно, это была непростая задача. Практически не было материалов, которые были бы проиндексированы под заголовком «гомосексуальность», а ключевых слов «лесбийские и гей-исследования» (если использовать научный ярлык 1990-х годов) в терминологии советской классификации информации не существовало. Вместо этого я нашел большую часть своего материала, просмотрев термины, взятые из медицины, психиатрии и криминологии: «половые извращения», «половая психопатия», «половые преступления». Для меня было странно, но также захватывающе обнаружить под такими категориями в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, например, неизвестные работы русских защитников однополрой любви, относящиеся к эпохе царизма, а также книги великого немецкого гомосексуального эмансипатора Магнуса Хиршфельда. Огромной привилегией было раскопать записи ранее неизвестных дискуссий о «трансвеститах» в архивах Наркомздрава РСФСР,

а также печальной обязанностью — обнаружить материалы уголовного дела об аресте геев в Москве в фондах московского городского архива. Подобные тексты стали основой моей базы первоисточников.

Поиск источников, походивший скорее на охоту за ними, был лишь половиной проблемы в поиске сведений об ЛГБТК-прошлом России. Я должен был проявлять осторожность, когда рассказывал о своей теме работникам архивов, которые охраняют доступ к подведомственным им материалам: как аспирант я не мог наверняка рассчитывать на благожелательный прием, если бы пришел с научной темой об «истории гомосексуальности в царской и советской России». Вместо этого я представил тему моего исследования как историю судебной психиатрии и судебной медицины, что, кажется, обеспечило мне доступ как к юридическим, так и к медицинским записям. Чтобы отвлечь внимание от моего главного интереса — регулирования сексуального и гендерного диссидентства, я иногда практиковал «информационный шум», заказывая выборку случайных файлов, среди которых можно было найти и уголовное дело о мужеложстве. Мои русские наставники посоветовали мне работать таким образом, и в большинстве случаев я именно так и поступал. Хотя все-таки мне удалось найти некоторых отзывчивых архивистов, которые проявили интерес к этой теме и помогли мне, проверяя содержание уголовных дел или добывая материалы, которые были в плохом состоянии, а потому обычно не выдавались на руки исследователям. Опытные российские исследователи, которые знали о конкретных архивных материалах, связанных с гомосексуальностью, давали мне наводки и также помогали получить доступ к редким документам.

К тому времени, как моя книга была опубликована в 2001 году на английском языке, было трудно предсказать, как ЛГБТК-исторические исследования и ЛГБТК-права человека будут развиваться в Российской Федерации в XXI веке. Когда в 2005–2006 годах появилась возможность перевести книгу на русский, я с радостью ухватился за нее. Я считал невероятно важным представить этот материал, а также мои выводы и суждения об ЛГБТК-прошлом

именно российской аудитории, для которой они были наиболее актуальны. Подгоняемые сжатыми сроками, переводчики издательства «Ладомир» быстро перевели английский текст на русский. К редактированию текста и справочного материала был привлечен научный редактор, библиограф и коллекционер книг Л. В. Бессмертных.

Оказалось, что сделать перевод, который отражал бы всестороннее понимание и принятие темы, было непросто. Как отметили рецензенты, дискуссии об ЛГБТК-истории на тот момент были недостаточно развиты, поскольку в российских исследовательских институтах и университетах фактически не принимались (а потому и не предпринимались) никакие научные исследования на данную тему¹. По этой и другим причинам в первом русском издании используются противоречивые, а иногда и нелицеприятные термины для обозначения гомосексуальности, однополый любви и гендерного диссидентства. Научный редактор добавил десятки страниц с библиографическими подробностями, и некоторые из них едва ли имели отношение к теме однополый любви. (Сюрпризом стало включение десяти иллюстраций титульных листов издания «Eros russe / Русский эротъ не для дамъ»².) Он также значительно расширил многие оригинальные цитаты по русским первоисточникам. Но несмотря на то, что в результате этой работы в англоязычном оригинале было обнаружено несколько мелких ошибок, которые в переводе были исправлены, в первом русском издании непреднамеренно появились новые ошибки.

Изменения, которые претерпела моя оригинальная книга, в настоящем исправленном издании были учтены следующим образом. Во-первых, редакторка и переводчица этого издания, доктор Татьяна Клепикова, является эксперткой с международным

1 Муравьева М. *Трудности перевода: об однополый любви по-русски* // Ab Imperio, № 1 (2009), с. 472–478. Рецензию на англоязычное издание книги можно прочитать здесь: Берштейн Е. *Другая история [Рецензия]* // Новая русская книга: Критическое обозрение, № 1 (2002).

2 См. с. 560–562 первого русского издания, а также примечание издателя в сноске на с. 484 первого русского издания. Исследователи истории сексуальности наверняка оценят пользу издания «Ладомир» с точки зрения обширного списка материалов, подобранного Бессмертным.

профилем в области изучения истории российской ЛГБТК-культуры, что гарантирует соответствие исправленного перевода современным научным стандартам. Мы с ней согласовали общий словарь для обозначения основных терминов и концепций, которые лежат в основе первоначального варианта книги. В частности, мы настаиваем на использовании на протяжении всей книги терминов «гомосексуал» и «гомосексуальность» в качестве нейтральных терминов по умолчанию при переводе понятий *homosexual/homosexuality*. Термины «гомосексуалист» и «гомосексуализм» используются только для цитирования из первоисточников, в которых присутствует эта уничижительная и идеологически заряженная формулировка. Исправлены также и другие неудачные формулировки (например, «гейство»), фактические ошибки и редакторские вставки. Цитаты из русскоязычных источников возвращены к их первоначальному объему, равно как и библиография (при этом мы с редакторкой учли полезные читателям ссылки на русскоязычные версии использованных нами источников, внесенные в первый русский перевод [в данном издании они отмечены *]).

Важно понимать, что идеи и язык меняются по мере того, как проходит время. Книга, которую я написал в 1990-е годы, уже стала документом своей эпохи, и не всякому сегодняшнему читателю она угодит. Термины «диссидентство» и «диссидент» вызвали недовольство некоторых западных рецензентов, которые считали, что их следует оставить для политического инакомыслия. Я думаю, что этот аргумент основан на бедных представлениях таких критиков о гомосексуальном существовании. Как мы все видели, в России с момента принятия закона о «гей-пропаганде» в 2013 году проявления ЛГБТК-сексуальностей и гендеров определенно носят диссидентский характер. Если я проецировал это осознанное диссидентство на акторов прошлого, которые вели свои жизни вопреки устоявшимся представлениям, то делал это намеренно. Мой аргумент был и остается таковым, что решение вести гомосексуальное существование неизбежно подразумевает

некоторую степень осознания того, что влечения и поступки в таком случае не соответствуют норме. Любое выражение этого влечения является «диссидентствующим» по отношению к гетеросексуальной (и гендерно-бинарной) норме, и если кому-то нужны доказательства этого, их можно найти в усилиях, прилагаемых квир-субъектом, чтобы скрыть или замаскировать свои мысли, слова и поступки. Также можно найти эти доказательства в словах самих квир-людей, что продемонстрировало, например, замечательное исследование Ирины Ролдугиной³. Я понимаю, что эта книга не исследовала субъективность «сексуально-гендерного диссидента» достаточно глубоко, чтобы полностью поддержать этот аргумент. Однако недавние работы молодых ученых, которые я упоминаю ниже, дают эту поддержку, и, как я чувствую, снимают подозрение с моего дружественного прочтения жизней российских сексуальных и гендерных диссидентов прошлого.

Другие понятия, использованные в англоязычном оригинале моей книги, вышли из научной моды, но они сохранены здесь, чтобы проиллюстрировать мои мысли в том виде, в котором они развивались и звучали в конце 1990-х. Термины, относящиеся к транс-идентичностям, сегодня очень спорны, они постоянно развиваются. В этой книге я использовал такие понятия, как «женщина с (мужским) пассом», для обозначения людей, которых при рождении называли женщинами, но которые представляли себя в обществе в мужских гендерных ролях. Сегодня мы можем назвать их трансгендерными мужчинами⁴. Сегодняшним транс-информированным историкам не стоит просто принимать мои интерпретации, сделанные четверть века назад: им следует еще раз взглянуть на те источники, которые я цитировал при обсуждении таких смен гендера (в основном во второй и шестой главах), и решить для себя, как они хотят

3 Ролдугина И. Почему мы такие люди? Раннесоветские гомосексуалы от первого лица: новые источники по истории гомосексуальных идентичностей в России // *Ab Imperio*, № 2 (2016), с. 183–216.

4 Для русского обзора перспектив на трансгендерность, см. Кирей-Ситникова Я. *Трансгендерность и трансфеминизм*. М.: Саламандра, 2015 (в открытом доступе) (<https://www.transcoalition.net/transfeminism/>).

интерпретировать гендерные идентификации этих исторических субъектов. Исследования истории трансгендерных идентичностей в России и Советском Союзе еще только начинают писаться.

Во введении к первому изданию книги я написал, что «серьезные ученые, занимавшиеся восточноевропейскими исследованиями, уделяли мало внимания сексуальности». К счастью, это уже не так, и сейчас наблюдается живой интерес ученых к советской и российской ЛГБТК-истории. Молодые исследователи прокладывают новые пути, и многие из них — россияне и граждане республик бывшего Советского Союза. Как это ни парадоксально, циничные кампании государственной гомофобии и бесплодные попытки заставить замолчать ЛГБТК-голоса побудили их заняться этой темой.

Среди этого нового поколения — моя студентка Ирина Ролдугина, чье исследование раннесоветских гомосексуальных субъективностей и яростной сталинской атаки на квир-сообщества является предметом ее докторской диссертации⁵. Рустам Александр исследовал позднесоветские правовые и медицинские подходы к гомосексуальности в своей недавней исследовательской монографии⁶. Галина Зеленина изучает национальную и классовую идентификации, которых придерживались советские интеллектуалы, связанные с однополый любовью⁷. Основанное на многочисленных интервью исследование лесбиянок позднесоветского и постсоветского периодов, проведенное Франческой Стеллой, уже стало классическим трудом⁸. Артюру Клешу провел десятки интервью с пожилыми геями и лесбиянками в России и Грузии и обрисовал, как гендер и класс пересекаются

5 См. также Roldugina I. *Half-Hidden or Half-Open? Scholarly Research on Soviet Homosexuals in Contemporary Russia in Gender and Choice after Socialism*. Springer, 2018, p. 3–22. Также см. ее же *Homosexuality in the Late Imperial Russian Navy: Microhistory // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 22, № 3 (2021), p. 451–478.

6 Alexander R. *Regulating Homosexuality in Soviet Russia, 1956–91: A Different History*. Manchester University Press, 2021.

7 Зеленина Г. «Несчастливая случайность рождения»: лишние идентичности, бестактные подробности и дистиллированная личность // *Cahiers du monde russe*, vol. 62, № 2–3 (2021), p. 333–365.

8 Stella F. *Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia: Post/Socialism and Gendered Sexualities*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.

с национальной идентификацией в советских квир-идентичностях⁹. Шорена Габуния проследила географию квир-круизинга¹⁰ в Тбилиси¹¹. В то время как всеобъемлющие истории ЛГБТК-Украины пока что только начинают намечаться, есть отличные исследования о гомосексуальном поэте и ученом Агафангеле Крымском¹². Для Беларуси фундаментальным текстом является краткая монография Владимира Володина¹³. Феруза Арипова в настоящее время изучает уголовное преследование мужчин-гомосексуалов в Советской Латвии и других странах Советского Союза¹⁴. Латвийские ЛГБТК-субъективности и опыт были тщательно исследованы Инетой Липшей и Ритой Рудушей¹⁵. Работу о квир-идентичностях в прошлом и настоящем в Кыргызстане опубликовали Георгий Мамедов, Нина Багдасарова и Сыйнат Султаналиева¹⁶. Жанар Секербаева исследовала историю

- 9 Clech A. *An unnoticeable sexual dissident in the Georgian Soviet republic: Subjectification, social classes and the culture of suspicion in the late Soviet period* // Cahiers du monde russe, vol. 62, № 2-3 (2021), p. 367-390. См. также его *Between the Labor Camp and the Clinic: Tema or the Shared Forms of Late Soviet Homosexual Subjectivities* // Slavic Review, vol. 77, № 1 (2018), p. 6-29.
- 10 Т. е. прогулок в общественных местах с целью поиска сексуальных партнеров — Прим. пер. и ред. нового издания (Т. К.).
- 11 Gabunia Sh. *Gay Culture and Public Places in Tbilisi in Urban Spaces after Socialism: Ethnographies of Public Places in Eurasian Cities*, edited by Darieva Ts., Kaschuba W. and Krebs M. Campus Verlag, 2011, p. 247-261.
- 12 Для обзора см. Chernetsky V. *Ukrainian Queer Culture: The Difficult Birth in Queer Stories of Europe*, edited by Vėrdiņš K. and Ozoliņš J. Cambridge: Cambridge Scholars, 2016, p. 206-225. Также см. Павличко С. *Национализм, сексуальность, ориентализм: складный світ Агатангела Крымського у Київ. Основи, 2000; Averbuch A. Orientalism and Homoerotic Desire in the Poetry of a Ukrainian Modernist: Ahatanhel Kryms'kyi in Lebanon* // Slavic And East European Journal, vol. 62, № 2 (2018), p. 318-338. См. также его *Теургия нечестивости: fin-de-race и женская греховность в русском и украинском модернизме* // Syg.ma, 7 октября 2020. URL: <https://syg.ma/@galina-1/aleksandr-aviebukh-tieurgihianiechiestivosti-fin-de-race-i-zhienskaia-griekhovnost-v-russkom-i-ukrainskom-modiernizmie> (10.08.2021).
- 13 Володин В. *Квир-история Беларуси второй половины XX века: попытка приближения*. Минск, 2016. URL: <http://belarusianqueerstory.poblogs.org> (10.08.2021). Белорусская оригинальная версия (*Квир-історыя Беларусі другой паловы XX стагоддзя: спроба набліжэння*) доступна там же (10.08.2021).
- 14 Aripova F. *Queering the Soviet Pribaltika: Criminal Cases of Consensual Sodomy in Soviet Latvia (1960s-1980s) in Decolonizing Queer Experience: LGBT+ Narratives from Eastern Europe and Eurasia*, edited by Channell-Justice E. Lahnam, MD: Lexington Books, 2020, p. 95-114.
- 15 Lipša I. *Lgbti People in Latvia: A History of the Past 100 Years*, translated by Ruduša D. Riga: Association of LGBT and their friends Mozaika, 2018. См. также: Ruduša R. *Forced Underground: Homosexuals in Soviet Latvia*. Riga: Mansards, 2014.
- 16 Мамедов Г., Багдасарова Н. «Тема», а не «ЛГБТ»? *Время и пространство сексуально-гендерного диссидентства в постсоветском*

→

гендерной девиантности в Казахстане¹⁷. Еще больше работ историков и активистов, чем можно здесь упомянуть, было представлено на конференциях по гомосексуальности и гендерным вариациям в СССР, а также на музейных выставках и в художественных проектах¹⁸.

В истории лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендерных и квир-людей Российской империи и Советского Союза еще многое предстоит открыть и изучить. Мне выпала честь быть одним из пионеров в этой области, и я рад, что молодые поколения историков развивают эту увлекательную область исследований. Я надеюсь, что это новое издание моей первой книги и дальше будет вдохновлять на исследование квир-прошлого.

Дэн Хили
Оксфорд, Англия
август 2021

Кыргызстане // Cahiers du monde russe, vol. 62, № 2-3 (2021), p. 283-306. См. также Sultanalieva S. *Escaping the Dichotomies of "good" and "bad": Chronotopes of queerness in Kyrgyzstan in Decolonizing queer experience: LGBT+ Narratives from Eastern Europe and Eurasia*, edited by Channell-Justice E. Lahnam, MD: Lexington Books, 2020, p. 55-71.

- 17 Sekerbayeva Zh., *Stifled Monstrosities: Gender-Transgressive Motifs in Kazakh Folklore in Decolonizing queer experience: LGBT+ Narratives from Eastern Europe and Eurasia*, edited by Channell-Justice E. Lahnam, MD: Lexington Books, 2020, p. 135-154.
- 18 Обзор выставок можно найти здесь: Glenn C. *Cultural Production and the Canonisation of Lgbt Histories in the Baltic States // SQS-Suomen Queer-tutkimuksen Seuran lehti*, vol. 14, № 1-2 (2020), p. 22-44. В отношении Эстонии следует обратить внимание на художественный проект Jaanus Samma and Eugenio Viola *Not Suitable for Work. A Chairman's Tale*. Berlin & Tallinn: Sternberg Press & Centre for Contemporary Arts Estonia, 2015. Список конференций и обзор данной области исследований представлены здесь: Healey D., Stella F., *Introduction: Sexual and Gender Dissent in the USSR and Post-Soviet Space // Cahiers du monde russe*, vol. 62, № 2-3 (2021), p. 225-250.

Предисловие

В мире многое изменилось с тех пор, как активисты и ученые, трудившиеся вне академических стен, заложили основы историографии лесбиянок и геев. Тем не менее, работая над данным проектом, я неоднократно наблюдал, как много талантливейших историков, изучающих сексуальности, продолжают усердно трудиться без поддержки академических учреждений. Я в большом долгу перед ними, ведь без их изысканий было бы намного сложнее увидеть границы и потенциал нашей дисциплины.

К данному проекту мне посчастливилось приступить на исходе холодной войны, который совпал с началом признания области науки, получившей название лесбийских и гей-исследований. Это позволило, с одной стороны, заниматься изучением истории однополрой любви в России, а с другой — получить финансирование на подобный проект. Я выражаю признательность провинции Онтарио за диссертационную стипендию Онтарио и стипендию королевы Елизаветы II, а также Совету по социальным и гуманитарным исследованиям Канады (*Social Sciences and Humanities Research Council of Canada*), которые поддержали мою работу над докторской диссертацией, за докторскую стипендию. Фонд «Велком Траст» (*Wellcome Trust*) предоставил постдокторский грант № 054869, который дал мне возможность превратить диссертацию в книгу. Проект исследований и архивов эры сталинизма (*Stalin Era Research and Archives Project, SERAP*) также оказал финансовую помощь, оплатив дорожные расходы и предоставив финансирование для моей позиции младшего научного сотрудника. Институциональной базой проекта *SERAP* является Центр российских и восточноевропейских исследований Университета Торонто. Этот центр и кафедра истории Университета Торонто были прекрасным домом для моего необычного проекта. Большую поддержку я также получил на данной кафедре от рабочей группы по лесбийской и гей-истории (*Lesbian and Gay History Discussion Group*). На завершающем этапе работы над книгой меня всячески подбадривали коллеги из шотландских университетов Данди и Глазго. Я шлю привет

моим шотландским друзьям, которые не переставали демонстрировать, что Брайан Саутер и кардинал Уиннинг ничего не знают о шотландской душе.

В связи с тем, что избранная мной тема ранее никем не исследовалась, я многим обязан людям, которые своими подсказками расширили круг моих источников и поделились своим знанием. Прежде всего, я благодарю россиян всех сексуальных ориентаций, которые великодушно снабжали иностранца редкими статьями, книгами, архивными документами и иной информацией по отнюдь не академическому предмету — «гомосексуализму». Я бы хотел упомянуть Елену Черных, Машу Гессен, Михаила Аникеева, Наталью Исмаилову, Сергея Ивашкина, Олега Хлевнюка, Алексея Килина, Игоря Кона, Дмитрия Кузнецова, Владимира Шахиджаняна, Ирину Сироткину, Виталия Старцева, Елену Тюрину и Ольгу Жук. Виктор Гульшинский и Елена Гусятинская, каждый по-своему, оказали мне неоценимую интеллектуальную поддержку в 1995–1996 годах, когда я собирал материал для данной работы. Я почерпнул многое из их содержательных и разносторонних комментариев к отдельным документам, а также к истории «темы» в России в прошлом и настоящем. Леонид Вайнтрауб поделился со мной бесценными замечаниями касательно моих московских находок. Посещение Санкт-Петербурга запомнилось беседами с Даниилом Александровым (об истории советской науки) и с Натальей Лебиной (о проституции и преступности в северной столице). Из зарубежных ученых, снабжавших меня документами или способствовавших установлению ценных контактов, я особенно признателен Френсис Бернстейн, Джонатану Боуну, Джеффри Бёрдсу, Ричарду Дэвису, Гэби Дониخت, Лори Эссиг, Джули Хесслер, Дэвиду Хоффману, Полю Лежандру, Эми Рэндалл, Джошуа Сэнборну, Дэвиду Ширеру, Стивену Смиту, Питеру Соломону-мл., Кристи Стори и Эллен Уимберг.

В работе над данным проектом неоценимую помощь оказали многие русисты. Линда Эдмондсон неоднократно приглашала меня участвовать в семинаре по гендеру в Центре российских и восточноевропейских исследований Бирмингемского

университета. Именно там я впервые представил на суд коллег некоторые части этой книги. Дон Фильцер, Джейн Грейсон и Уильям Батлер из лондонской Школы славянских и восточно-европейских исследований (*School of Slavonic and East European Studies*) оказали поддержку на ранних стадиях работы, равно как и Международная исследовательская группа по русской революции (*International Study Group on the Russian Revolution*). Среди тех, кто нашел время ознакомиться с данной работой, мне хотелось бы с благодарностью упомянуть Диану Льюис Бургин, Саймона Диксона, Лору Энгельштейн, Шейлу Фицпатрик, Дэвида Хоффмана, Моше Левина, Кевина Мосса, Барбару Нортон и Дуга Уайнера. Мой научный руководитель, Линн Виола, служила образцом педагогического мастерства. Сьюзен Гросс Соломон приобщила меня к истории медицины, проявив в равной степени терпение и энтузиазм. Линн и Сьюзен наряду с Робертом Джонсоном и Дэвидом Хиггсом из Университета Торонто, а также с Марком фон Хагеном из Колумбийского университета Нью-Йорка с энергией и вниманием прошли по диссертации, на которой основана эта книга. Стивен Смит и Эрик Найман прочитали рукопись книги, обращая внимание на детали и оставляя замечания, которые я неизменно находил вдохновляющими. Благодаря этим людям текст значительно улучшился. Все сохранившиеся перверсии и отклонения — всецело на моей совести.

В 1980 году, еще учась в бакалавриате, я опрашивал профессору Саймону Карлинскому запрос относительно русских геев, на который он ответил посылкой, набитой статьями. Из этого великодушного поступка проросли семена этой монографии, и, хотя их созревание заняло время, я надеюсь, что урожай оправдает долгое ожидание. Несмотря на то, что в этой книге я и выражаю некое расхождение во мнении с профессором Карлинским, я все же бесконечно почитаю его как пионера данных исследований, проторившего нам всем дорогу. Ральф Доус, Джонатан Нед Кац, Майкл Сибалис, Джеймс Стикли, Джордж Чонси и Джеффри Уикс, друзья из Центра лесбийских и гей-исследований в Торонто (*Toronto Centre for Lesbian and Gay Studies*), Архивы лесбиянок и геев Канады (*Canadian Lesbian and Gay Archives*), архивы «Гомодок»

(*Homodok*) в Амстердаме, Общество Магнуса Хиршфельда и Гей-музей в Берлине (Schwules Museum), а также «ГендерДок» в Москве любезно отвечали на мои запросы и снабжали меня документами. К сожалению, Алан Саддон ушел из жизни, не увидев этой книги (посвященной отчасти его сыну Тому). Алан привлек мое внимание к нескольким мемуарам эмигрантов, со свойственным ему одному восторгом сообщив о возможности рассказать об их пикантности. Я много подчерпнул из глубоких познаний Брайана Пронджера о постмодернистских теориях тела. Чандак Сенгупта великодушно поделился со мной черновиком своей великолепной статьи о «политике половых желез». Все, кто слышал мои доклады по данной теме — как в России, так и за рубежом, — давали мне массу ценных, хоть и подчас довольно непростых замечаний, которые открывали мне новые горизонты исследования.

После первого посещения Москвы и Ленинграда в 1974 году я узнавал о России в том числе и от многочисленных русских друзей, живущих как на родине, так и в эмиграции: гидов «Интуриста», «попутчиков», с симпатией относившихся к Советскому Союзу, людей, готовых послушать, над чем я работаю, знатоков языка, приятелей по бане, «архивных крыс» или полностью оплачиваемых членов «Гоминтерна». Я благодарю Дебби Кинг и Дэвида Гира, Билла Боуринга, Эдварда Люшина, Тима Росса, Алана Уинтермана, Кейт Гриффит, Дика Хоаглана, Кевина Гарднера, Ребекку Фридман, Романа Калинина, Дэвида Туллера, Питера Фалатина, Роберта Плисса, Джулию Гилмур, Коллин Крейг, Ричарда Шимпфа, Олега Кузьмина, Мишель Паттерсон, Марджори Фаркхарсон, Гэрри Оксфорда и Энтони Луиса, а также моих друзей из *The Moscow Tribune*. Рэйчел Гиз дала мне возможность высказать мои ранние идеи читателям торонтской гей-газеты *Xtra*. Я закончил эту книгу благодаря Эдриану Миллсу. В Москве Трейси Макдональд спасала меня от мышей, осыпавшейся штукатурки, а чаще — от самого себя. Брайан Пронджер и Джим Бартли помогали мне с тысячей разных практических вещей. Мои замечательные эксцентричные родители Рита Грейв и Эд Хили экстравагантным образом

давали мне делать то, что я хотел. И я не могу описать, насколько я обязан своему избраннику, Марку Корнуоллу, всем тем, чему он меня научил.

Наконец, я глубоко опечален, что Тома и Дэвида нет с нами и они не могут подержать эту книгу в руках. Но они незримо присутствуют на ее страницах.

Дэн Хили
Суонси, Уэльс
июнь 2000

Аббревиатуры учреждений, организаций и обществ

АПРФ — Архив Президента Российской Федерации

ЧК — Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (органы госбезопасности в 1918–1922 гг.)

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГПУ — Государственное политическое управление (органы госбезопасности в 1922–1923 гг.)

КГБ — Комитет государственной безопасности (органы госбезопасности после 1953 г.)

МВД — Министерство внутренних дел

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел (органы госбезопасности в 1934–1946 гг.)

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление СССР (органы госбезопасности в 1923–1934 гг.)

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

РГИА — Российский государственный исторический архив

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

ЦГАКД — Центральный государственный архив кинофотодокументов Санкт-Петербурга

ЦГАМ (с 1993 г. ЦМАМ) — Центральный государственный (с 1993 г. — муниципальный) архив г. Москвы

ЦГАМО — Центральный государственный архив Московской области

ЦГИАМ — (с 1993 г. — ЦИАМ) — Центральный государственный (до 1993 г.) исторический архив г. Москвы

ЦИАМ — см. ЦГИАМ

ЦМАМ — см. ЦГАМ

Введение

Ни для кого не секрет, что в русской истории полным-полно белых пятен, и одним из самых больших среди них можно с уверенностью считать гомосексуальность и отношение к ней общества. Серьезные ученые, занимавшиеся восточноевропейскими исследованиями, уделяли сексуальности мало внимания. Интимные аспекты личной жизни долгое время рассматривались как тривиальные и не заслуживающие внимания на фоне эпохальных событий, потрясавших Россию в минувшем столетии. И отечественные, и иностранные историки обычно сосредотачивались на триумфе или трагедии (в зависимости от их позиции) русско-го народа в войне, революции и модернизации. Их действия следовали дисциплинарным традициям исторического повествования, которое до недавнего времени стремилось ограничить многие вопросы диссидентствующей сексуальности полемическими дебатами, журналистикой или медицинским дискурсом¹⁹. Замалчивание вопросов сексуально-гендерного диссидентства в российской истории долгое время было успешным табу

19 Реакция историка из России с многолетним опытом на мой доклад под названием *Constructing the Soviet Pervert: Same-Sex Desire, Medicine and Law in Soviet Russia, 1917-1929* («Конструируя советского извращенца: однополое влечение, медицина и право в Советской России 1917-1929») на семинаре для студентов магистратуры в 1994 году иллюстрирует желание маргинализировать эту тему: «С моей точки зрения (и, я бы даже сказал, не только с моей), это не самая актуальная историографическая тема, но если учесть, что не так давно в Нью-Йорке состоялась 250-тысячная демонстрация так называемого „сексуального меньшинства“ в защиту своих прав, то столь странный интерес молодого ученого к проблеме, скорее относящейся к истории медицины, чем общества, можно понять» (Литвак Б. Г. *Коллективум североамериканских историков-русистов* // Отечественная история, № 4 (1995), с. 218–221, цитата на с. 221). Б. Г. Литвак по-советски считает, что медицина должна быть вне общества (вследствие ее научных, «объективистских» притязаний). Такая точка зрения противоречит моей позиции, базирующейся на воззрениях на науку с позиций видения ее как социального конструкта, а также через призму феминистских теорий – медицина создается обществом и культурой, они ее творцы. См. также: Kuhn T. S. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press, 1962; Fausto-Sterling A. *Myths of Gender: Biological Theories of Women and Men*. New York: Basic Books, 1985; Oudshoorn N. *Beyond the Natural Body: An Archaeology of Sex Hormones*. London: Routledge, 1994; Rosario V. A. (ed.) *Science and Homosexualities*. New York: Routledge, 1997. Русскоязычного читателя, интересующегося вопросами терминологии, отсылаем к соответствующей главе в изд.: Кон И. С. *От ответов к вопросам* // Кон И. С. *Лунный свет на заре: Лики и маски однополый любви* (М.: Олимп, 1998), с. 10–25. См. также: Кон И. С. *В родных пенатах* // Там же, с. 281–331. См. также: Кон И. С. *Любовь небесного цвета* (М.: Продолжение жизни, 2001), сс. 5–43, 159–172.

в отечественных и западных исторических исследованиях. Это укрепляло миф о естественной, всеобщей и неизменной гетеросексуальности и упрочило цементирование современной системы гендерных отношений, основанной на доминирующей маскулинности и подчиненной фемининности²⁰.

Данная книга продолжает ряд исторических исследований однополый любви, которые появились за последнее время и стремятся развенчать сложившуюся на сегодня половую и гендерную систему²¹. Большинство этих работ посвящено западным индустриальным обществам, но уже появляются важные труды, освещающие другие нации и культуры и показывающие, что миграция идей о сексуальности и гендере из Европы и США наложила существенный отпечаток на конструирование властных отношений (в понимании М. Фуко) в обществах, которые впитали эти идеи²². Изучение сексуально-гендерного диссидентства

- 20 В настоящее время существует обширная литература по осмыслению конструирования гетеросексуальности в западном обществе, а также месту исторически и политически детерминированных гендерных ролей в этом процессе. Среди наиболее значимых работ см.: Foucault M. *The History of Sexuality: An Introduction. Vol. 1*, trans. Robert Hurley. London: Penguin, 1978; Weeks J. *Sexuality and Its Discontents: Meanings, Myths, and Modern Sexualities*. London: Routledge & Kegan Paul, 1985; Ned Katz J. *The Invention of Heterosexuality*. New York: Dutton, 1995.
- 21 См. основные исследования по этой теме: McIntosh M. *The Homosexual Role // Social Problems*, no 16 (1968), p. 182-192; Steakley J. *The Homosexual Emancipation Movement in Germany*, New York: Arno, 1975; Katz J. *Gay American History*, New York: Thomas Crowell, 1976; Hahn P. *Nos ancêtres, les pervers: La vie des homosexuels sous le Second Empire*, Paris: Olivier Orban, 1979; Faderman L. *Surpassing the Love of Men: Romantic Friendship and Love between Women from the Renaissance to the Present*, New York: Morrow, 1981; Lesbian History Group (ed.) *Not a Passing Phase: Reclaiming Lesbians in History 1840-1985*, London: Women's Press, 1989; Duberman M. B., Vicinus M., Chauncey G., Jr. (eds.) *Hidden from History: Reclaiming the Gay and Lesbian Past*, New York: New American Library, 1989; Bérubé A. *Coming Out under Fire: The History of Gay Men and Lesbians in World War Two*, New York: Plume, 1990; Weeks J. *Coming Out: Homosexual Politics in Britain from the Nineteenth Century to the Present*, London: Quartet Books, 1990; Faderman L. *Odd Girls and Twilight Lovers: A History of Lesbian Life in Twentieth-Century America*, New York: Columbia, 1991; Donoghue E. *Passions between Women: British Lesbian Culture 1668-1801*, London: HarperCollins, 1993; Chauncey G. *Gay New York: Gender, Urban Culture, and the Making of the Gay Male World, 1890-1940*, New York: Basic Books, 1994; Merrick J. and Ragan B. T. (eds.) *Homosexuality in Modern France*, New York: Oxford University Press, 1996.
- 22 См., например, Jackson P. A. *Thai Research on Male Homosexuality and Transgenderism and the Cultural Limits of Foucaultian Analysis // Journal of the History of Sexuality*, no 1 (1997), p. 52-85; Herdt G. (ed.) *Third Sex, Third Gender: Beyond Sexual Dimorphism in Culture and History*, New York: Zone Books, 1993; Green J. N. *Beyond Carnival: Male Homosexuality in Twentieth-Century Brazil*, Chicago: University of Chicago Press, 1999; Lumsden I. *Machos, Maricones, and Gays: Cuba and Homosexuality*, Philadelphia: Temple University Press, 1996; Murray S. O. and Roscoe W. (eds.) *Islamic Homosexualities: Culture, History and Literature*, New York: New York University Press, 1997.

в России — это не съезд с некоей воображаемой главной магистральной исторического повествования для того, чтобы рассказать о появлении «сексуального меньшинства». Скорее, это весьма актуальная историческая тема, поскольку она позволяет показать, как сексуальность сводится к одной лишь гетеросексуальности, что выдает последнюю за естественную²³. Если гомосексуальность скрыта от нашего взора, невозможно увидеть, как власть в России работала в XX веке. А именно — мысль, которую я стремлюсь озвучить, состоит в том, что, если оставить без внимания однополые отношения как важную составляющую гендерной и сексуальной идентичности, мы не сможем понимать гендер как форму власти в развивающейся нации, в которой гендер, как правило, становится одной из ключевых арен борьбы с существующим порядком властных отношений.

В силу различных причин советские и западные работы по истории гендера и сексуальности в России напрямую игнорировали диссидентствующие гендеры и половые влечения. Когда они все же затрагивали тему гомосексуальности, то обычно принижали ее значимость. Обзор трактовок этих тем в исторической литературе может пролить свет на проблемы, возникающие вследствие такого подхода и препятствующие лучшему пониманию сексуального и гендерного наследия России.

Размышления об однополом влечении в российском контексте

Разговор о позднесоветском подходе к половым вопросам обычно начинается с цитирования известного клише эпохи гласности —

23 Ив К. Седжвик отмечает, что в западных концепциях гомосексуальности превалирует «радикальное и неискоренимое противоречие». «Миноритарный» взгляд, что среди населения существует часть людей, которые «действительно» гомосексуальны, соседствует с «универсальной» перспективой, которая отражает понимание, что любой человек может испытать однополое влечение. Седжвик выдвигает гипотезу, что «мужская гетеросексуальная идентичность и современная маскулинистская культура могут нуждаться в выставлении напоказ однополого мужского влечения, которое широко распространено и в первую очередь происходит изнутри, в качестве козла отпущения в целях поддержания собственной легитимности». Модерность ассоциируется с растущим «миноритарным» представлением об однополой сексуальности, а также с запретом выражения однополой интимности для «большинства». При этом Седжвик указывает, что даже в модерную эпоху сохранялось непоследовательное отношение к гомосексуальности; Sedgwick E. K. *Epistemology of the Closet*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1990, p. 85.

реакции жительницы Ленинграда, озвученной во время американо-советского телемоста: «В СССР секса нет»²⁴. Коммунистический режим ограничивал дискуссии о сексе рамками профессиональной литературы, которая тщательно контролировалась, и этот контроль часто находился на грани абсурда²⁵. Идеологические установки, выработанные в сталинскую эпоху, постулировали отсутствие необходимости обсуждать «нормальные» сексуальные отношения между мужчинами и женщинами. Социализм создал «гигиеничные» условия (экономическая стабильность, рациональное брачное законодательство, охрана материнства и детства), в которых естественная гетеросексуальность, не вызывающая проблем, могла благоприятно развиваться. По логике этой системы сексуальные перверсии (именуемые половыми извращениями) остались в прошлом, поскольку социализм устранил источники пресыщенности, излишеств, а также эксплуатации женщин — все то, что считалось причиной подобных отклонений в капиталистических обществах. Мужская гомосексуальность была тихо и безоговорочно признана преступной, а с незначительным числом прочих перверсий могли легко справиться сексопатологи, работавшие в разветвленной сети государственных психиатрических центров²⁶.

Согласно этой позднесоветской парадигме, пол являлся вневозрастным и вневременным естественным феноменом.

- 24 Описано в Кон И. С. *Сексуальная культура в России. Клубничка на березке*. М.: О. Г. И., 1997, с. 1. Ироническое клише отметило момент, когда секс обрел голос в России: см., например, Gessen M. *We Have No Sex: Soviet Gays and AIDS in the Era of Glasnost // Outlook*, vol. 9, (1990), p. 42–54; Engelstein L. *There Is Sex in Russia – and Always Was: Some Recent Contributions to Russian Erotica // Slavic Review*, vol. 51, no. 4 (1992), p. 786–790.
- 25 В 1995 году в читальном зале для профессоров бывшей Библиотеки имени В. И. Ленина в Москве я не смог получить ни одного экземпляра тома второго издания советской Большой медицинской энциклопедии со статьей о «Половых извращениях» (Попов Е. А. «Половые извращения» / Большая медицинская энциклопедия, 2-е изд. М.: ОГИЗ РСФСР, 1952, с. 942–952), в котором она бы не была искусно вырезана из книги. Сексологическая наука, возродившаяся после смерти И. В. Сталина в 1953 году, охранялась, и доступ к ней предоставлялся лишь профессионалам в редких случаях: см. в Кон И. С. *Сексуальная культура в России*, с. 171–173.
- 26 Четкие свидетельства о советских сексуальных нормах можно найти, например, здесь: Горфин Д. *Половая жизнь* / Большая советская энциклопедия, 1-е изд. М.: ОГИЗ РСФСР, 1940, т. 46, с. 163–169; *Гомосексуализм* / Большая советская энциклопедия, 2-е изд. М.: ОГИЗ РСФСР, 1952, т. 12, с. 35; Мандельштам А. *Половая жизнь* / Большая медицинская энциклопедия, 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1962, т. 25, 874–887.

История «женского вопроса», который, как утверждалось, был решен путем строительных преобразований и социальной инженерии во время первой пятилетки, представляла собой одно из пространств, в рамках которого могли вестись сдержанные дискуссии относительно социализма и пола до и после большевистской революции 1917 года²⁷. Тем не менее в подобной литературе историкам позволялось лишь отстаивать нормы, установленные «зрелым социализмом» и делать это с той же прямоотой, с которой это делал В. И. Ленин. Советские историки были приучены рассматривать любой интерес к сексуальности в биографии литературных или культурных деятелей как излишне «сексологический», более достойный внимания врачей, нежели профессиональных историков²⁸. Кроме того, советское неприятие и непонимание мужской гомосексуальности невольно исказило многие биографические исследования там, где русский шовинизм воспринимал факты однополого влечения как угрозу собственному существованию²⁹. Советский идеологический пуританизм доходил до того, что биографическая документация, которая могла подорвать миф об универсальной гетеросексуальности и патриотической половой сдержанности, тщательно охранялась и скрывалась³⁰.

27 См. например, Чирков П. М. *Решение женского вопроса в СССР (1917–1937 гг.)*. М.: Мысль, 1978.

28 Американская биографиня поэтессы Софии Парнок нашла подобное отношение среди многих даже понимающих тему советских коллег: Burgin D. L. *Sophia Parnok: The Life and Work of Russia's Sappho*. New York: New York University Press, 1994, p. 6–7.

29 Например, отношения между французом Жоржем Дантесом, убийцей А. С. Пушкина, и его приемным отцом, посланником Нидерландов в Санкт-Петербурге бароном Геккереном, характеризовались как «педерастические». Недавний анализ новых источников, включая переписку между Дантесом и Геккереном, в который раз подчеркивает «советское ханжество» с его взглядом на однополые сексуальные отношения как по определению омерзительные. Этот анализ также показывает, что задолго до 1917 года национальные обсуждения трагической смерти А. С. Пушкина были отмечены гомофобными намеками в адрес его убийцы, см. Vitale S. *Pushkin's Button*. London: Fourth Estate, 1999, p. 335. Утверждение о том, что П. И. Чайковский покончил жизнь самоубийством, чтобы искупить вину за свою гомосексуальность, пожалуй, является самым ярким примером подобной ханжеской озлобленности для исчерпывающих разъяснений и опровержения такого рода измышлений, см. Poznansky A. *Tchaikovsky's Last Days: A Documentary Study*. Oxford: Clarendon, 1996.

30 Документы к биографиям П. И. Чайковского, С. М. Эйзенштейна и М. А. Кузмина находились в «спецхране», в доступе к ним исследователям отказывали; о Кузмине см., например:

→

Мало что из опубликованного в западной исторической литературе подвергало сомнению принудительную гетеросексуальность, которая пронизывала советскую мифологию. Попыток систематических дискуссий об однополых отношениях было не так много, и лишь единицы из них оказали серьезное влияние на политическую и социальную историографию. Самые ранние исследования гомосексуальности в России XX столетия ограничивались этнографическими описаниями или полемикой по поводу идеологий, стоявших за сексуальной реформой³¹. Начало научному изучению этой исторической темы положили новаторские литературоведческие и культурологические исследования Саймона Карлинского³². В своих статьях 1970–1990-х гг. он обобщил собранный материал, исходя из трактовки советского режима 1920–1930-х годов как тоталитарного. Этот анализ был хорошо принят в посткоммунистической России, где его работы были опубликованы в разных вариантах как в гей-изданиях, так и в широкой прессе³³. Публикации Карлинского на русском языке представили антигомофобный взгляд на историю — долгожданный и столь необходимый как для лесби- и гей-активистов, так

Шумихин С. В. *Дневник Михаила Кузмина: Архивная предыстория* // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г., ред. Г. А. Морев, Ленинград: Совет по истории мировой культуры АН СССР, 1990; Malmstad J. E. and Bogomolov N. *Mikhail Kuzmin: A Life in Art*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999.

- 31 Этнографический взгляд см. Hirschfeld M., *Die Homosexualität des Mannes und des Weibes*. Berlin: Louis Marcus, 1914, p. 590–592. О полемике по поводу политики сексуальных реформ см. Reich W. *The Struggle for a "New Life" in the Soviet Union*, статья впервые опубликована в 1936, перепечатана в *The Sexual Revolution*, New York: Pocket Books, 1969; Lauritsen J. and Thorstad D. *The Early Homosexual Rights Movement (1864–1934)*, New York: Times Change, 1974.
- 32 Karlinsky S. *Russia's Gay Literature and History* // *Gay Sunshine*, vol. 29/30 (1976), p. 1–7; *Death and Resurrection of Mikhail Kuzmin* // *Slavic Review*, vol. 38, no. 1 (1979), p. 92–96; *Gay Life before the Soviets: Revisionism Revised* // *Advocate*, vol. 339 (1 April 1982), p. 31–34; *Russia's Gay Literature and Culture: The Impact of the October Revolution* in Duberman et al., *Hidden From History*; introduction to *Out of the Blue: Russia's Hidden Gay Literature*, ed. Moss K. San Francisco: Gay Sunshine Press, 1996.
- 33 См., например, его «Гомосексуализм в русской истории и культуре» (Тема, № 1/1991, с. 4–5); он же «Ввезен из-за границы...?» *Гомосексуализм в русской культуре и литературе* / Эротика в русской литературе. От Баркова до наших дней // Литературное Обозрение (специальный выпуск), ред. Прохорова И. Д., Мазур С. Ю. и Зыкова Г. В. М.: 1992. Хочется отметить влияние Карлинского, заметное в тексте: Могутин Я., Франета С. *Гомосексуализм в советских тюрьмах и лагерях* // *Новое время* (1993), № 35, с. 44–47, № 36, с. 50–54.

и для более широкой аудитории на постсоветском пространстве. Западные авторы — даже те, кто придерживается противоположных Карлинскому научных взглядов, — опираются на его тексты³⁴.

Стоит отметить, что исследования советской гомосексуальности Карлинского тем не менее содержат некоторые проблемы для социальных историков, работающих над царским и советским периодами. Его объяснение, в силу каких причин мужеложство было исключено из числа запрещенных законом деяний из Уголовного кодекса РСФСР 1922 и 1926 годов, так же, как и его трактовка политических и медицинских взглядов на однополую любовь в период декриминализации мужеложства в Советском Союзе (в 1922–1933 годах), вынужденно основывались на ограниченном круге опубликованных документов. Его выводы также были продиктованы его подходом, в основе которого лежала тоталитарная парадигма, что умаляло многообразие российских радикальных традиций и революционных утопических мечтаний³⁵. Карлинский утверждает, что, отменяя в 1917 году царские уголовные статуты, большевистские лидеры вовсе не задумывали легализации гомосексуальности. По его мнению, декриминализация мужеложства в 1922 году была следствием пренебрежения или недосмотра³⁶. Такое прочтение вполне удовлетворяет желание дискредитировать российскую социал-демократию, представляя ее как незаконную, непродуманную и гомофобную (в анахроничной перспективе). Но оно упускает из виду простую и вполне вероятную истину: большевики очевидным образом старались удалить из книг всякое упоминание о мужеложстве. Трактовка Карлинского либо игнорирует, либо неполно очерчивает медицинский, законодательный и социальный контексты, в рамках которых большевики намеренно

34 «Коллектив 1917 года» довольно неуклюже полагается на Karlinsky S. *Russia's Gay Literature and Culture*; см. *Capitalism and Homophobia: Marxism and the Struggle for Gay/Lesbian Rights // The Material Queer: A LesBiGay Cultural Studies Reader*, ed. Morton D. Boulder: Westview Press, 1996, p. 374–376.

35 Разнообразие радикальных взглядов первых лет революции зарегистрировано в Stites R. *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. Oxford: Oxford University Press, 1989.

36 Karlinsky S. *Russia's Gay Literature and Culture*, p. 357.

предпочли легализовать добровольное мужеложство между взрослыми мужчинами³⁷.

Карлинский представляет отношение советской медицины к однополую любви исключительно в ключе «болезни». Его самая известная работа дает чрезвычайно ограниченную картину медицинских воззрений, рождая искаженные представления о том, какую цель ставили перед собой врачи и чего они достигали³⁸. Начиная с Мишеля Фуко, историки написали ряд работ о развитии медицинских взглядов на однополую любовь, что создало более варьированное понимание этого вопроса. Научные дискурсы снабдили «гомосексуалов» языком и идентичностью, которыми эти «пациенты» часто манипулировали в целях, совершенно противоположных намерениям медицинских экспертов. Многочисленные гомосексуальные борцы за эмансипацию рубежа XIX–XX веков, среди которых были и люди, принадлежавшие научной среде, использовали медицинские теории гомосексуальности в своих целях, чтобы отстаивать собственные права³⁹. Взгляды на однополую любовь как на болезнь не являлись исключительной прерогативой научного сообщества, действовавшего по указке царя или комиссара, — они также циркулировали и в более широких массах, и последствия их были весьма разнообразны как в царской, так и в революционной России. Недавние исследования дореволюционной медицины помогают понять происхождение

- 37 Более раннее изложение этой критики я делал в статье *The Russian Revolution and the Decriminalisation of Homosexuality* // *Revolutionary Russia*, vol. 6, no. 1 (1993), p. 26–54. Прекрасное введение в правовой контекст дается здесь: Engelstein L. *Soviet Policy toward Male Homosexuality: Its Origins and Historical Roots in Gay Men and the Sexual History of the Political Left*, eds. Hekma G. Oosterhuis H. and Steakley J. Binghamton, New York: Harrington Park Press, 1995.
- 38 Взгляд Карлинского на советскую медицину основан на прочтении в русле тоталитарной школы всего двух источников. См. подробнее: *Russia's Gay Literature and Culture*, с. 358. Эти прочтения оспариваются в главах 5 и 6. Наблюдатели с точки зрения левого гей-движения также осуждают советскую медиализацию гомосексуальности. «Коллектив 1917 года», цитируя Карлинского, закрепляет тезис о гомосексуальности как болезни, см. *Capitalism and Homophobia* in Morton D. *The Material Queer*, p. 375. Джеффри Уикс (опираясь на Lauritsen and Thorstad *The Early Homosexual Rights Movement*, p. 73–74) отвергает как «биологические стереотипы» ссылки на Магнуса Хиршфельда и Зигмунда Фрейда в статье Большой советской энциклопедии 1930 года о «гомосексуализме»: *Coming Out*, p. 147.
- 39 См., например. Foucault M., *History of Sexuality: An Introduction. Vol. 1*; Rosario, ed. // *Science and Homosexualities*; Sengoopta Ch. *Glandular Politics: Experimental Biology, Clinical Medicine, and Homosexual Emancipation in Fin-de-Siècle Central Europe* // *Isis*, vol. 89 (1998), p. 445–473.

взглядов советских врачей на половые «извращения»⁴⁰. Богатая литература, посвященная судебной медицине и психиатрии в царской России, а также еще не изученные уголовные дела позволяют проследить дореволюционные предпосылки разнообразных советских воззрений на «гомосексуальность». Недавние работы по истории советской медицины предоставляют для этого необходимую почву, освещая специфику русского контекста, институциональную среду, а также влияние иностранных ученых и идей⁴¹. До сталинской рекриминализации мужеложства в 1933 году советский режим допускал многообразие точек зрения по данному вопросу. До этого переломного момента юристы, врачи и марксистские толкователи толерантно относились к одним формам «гомосексуальности», но с опасением — к другим. Большевики выделяли определенные социальные группы (например, служителей Русской православной церкви или мужчин в Средней Азии), которые под влиянием закостенелых обычаев или быта вступали в порицаемые однополюе отношения. Одновременно

40 Среди значимых текстов: Frieden N. M. *Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905*. Princeton: Princeton University Press, 1981; Hutchinson J. F. *Politics and Public Health in Revolutionary Russia, 1890–1918*. Baltimore & London: Johns Hopkins University Press, 1990; Engelstein L. *The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia*. Ithaca: Cornell University Press, 1992; Neuberger J. *Hooliganism: Crime, Culture and Power in St Petersburg, 1900–1914*. Berkeley: University of California Press, 1993; Bernstein L. *Sonia's Daughters: Prostitutes and Their Regulation in Imperial Russia*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1995.

41 О социальной гигиене и политике здравоохранения см. Gross Solomon S. and Hutchinson J. (eds.) *Health and Society in Revolutionary Russia*, Bloomington: Indiana University Press, 1990; Gross Solomon S. *The Expert and the State in Russian Public Health: Continuities and Changes across the Revolutionary Divide in The History of Public Health and the Modern State*, ed. Porter D, Amsterdam: Editions Rodopi B. V., 1994; Bernstein F. L. *Envisioning Health in Revolutionary Russia: The Politics of Gender in Sexual-Enlightenment Posters of the 1920s* // *Russian Review*, vol. 57 (1998), p. 191–217; она же *What Everyone Should Know about Sex: Gender, Sexual Enlightenment, and the Politics of Health in Revolutionary Russia, 1918–1931*. PhD. diss., Columbia University, 1998. О психологии, психиатрии и неврологии см. Joravsky D. *Russian Psychology: A Critical History*. Oxford: Basil Blackwell, 1989. О психоанализе: Эткинд А. *Эрос невозможного: История психоанализа в России*, СПб: Медуза, 1993; Miller M. *Freud and the Bolsheviks: Psychoanalysis in Imperial Russia and the Soviet Union*, New Haven: Yale University Press, 1998. Сравнительные анализы и работы по этике: Adams M. B. (ed.) *The Wellborn Science: Eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia*, New York: Oxford University Press, 1990; Solomon S. G. *The Soviet-German Syphilis Expedition to Buriat Mongolia, 1928* // *Slavic Review*, vol. 52, no. 2 (1993), p. 204–232; Graham L. R. *Science in Russian and the Soviet Union*, Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

ряд русских медицинских экспертов и некоторые из гомосексуалов интерпретировали риторику сексуальной революции в эмансипаторском ключе⁴². Отношение революционных властей к однополю любви не было ни столь однозначным, ни столь гомофобным, как утверждает Карлинский. Более того, пристальное внимание к этой проблеме важно не только для того, чтобы оценить, пошла ли русская революция на благо «геям», но и для выявления не высказанных большевиками воззрений на гендер и сексуальность. Эти воззрения были инструментами в их арсенале, который использовался для построения социалистического общества.

Статус Карлинского как одного из ведущих литературоведов и его приверженность к прочтению советского прошлого сквозь призму тоталитаризма предоставили карт-бланш его новаторским статьям о русских гомосексуалах, несмотря на фобию секса, которая характеризовала исследования России и Советского Союза времен холодной войны. Хотя его статьи и выходили в 1970–1980-х годах, социальные историки уже постепенно стали предлагать пересмотреть тоталитарный подход к советской жизни и политике. Они утверждали, что история российского общества при социализме могла бы ответить на многие вопросы об этом режиме, которые в тоталитарной модели или опускались, или напрямую игнорировались ввиду сосредоточенности ее внимания на государстве. Поворот к социальной истории в исследованиях России был отчасти следствием критики, которую в период холодной войны движение новых левых озвучило в адрес сталинизма и западного консерватизма. Также его подпитывали феминистское движение и — в меньшей степени — «сексуальная революция» в индустриальных странах в 1960–1970-х годах. Новые исторические нарративы

42 Из анализа имеющейся историографии складывается впечатление, что сексуальные диссиденты были жертвами без всякой исторической агентности. С. Карлинский признает, что при И. В. Сталине «преследование в Советском Союзе геев не было ни постоянным, ни повсеместным» (*Russia's Gay Literature and Culture*, p. 362). Из антисталинистских работ левой направленности следует, что сопротивление либо вовсе не оказывалось, либо было тщетным, см. Reich *The Sexual Revolution*, p. 252–256; Lauritsen and Thorstad *The Early Homosexual Rights Movement*, p. 62–75.

сосредотачивались на социальных корнях поворота к сталинизму в 1930-х годах, на роли женщин при царском и советском режимах, а также на семье, браке и гетеросексуальности в Восточной Европе и вообще на территории Евразии.

Подход социальных историков к сексуальному и гендерному диссидентству в России до сегодняшнего дня характеризовался или нежеланием заниматься этим вопросом, или представлением, что гомосексуальный опыт в России не отличается от опыта геев в западных обществах. Первая точка зрения необязательно рождена гомофобией. Она скорее отражает рациональную оценку ситуации с нехваткой источников, необходимых для серьезного обсуждения сексуального диссидентства. Хотя Карлинский показал, что в дореволюционном литературном и культурном дискурсе было более чем достаточно материалов об однополой любви, андрогинности и гендерной флюидности, источники по советскому периоду, которые были доступны западным ученым в период до 1991 года, затрагивали эти вопросы намного реже. Центральная партийная и государственная печать чрезвычайно редко касалась таких вопросов. С точки зрения господствующей идеологии проблемы вроде как не существовало. Ревизионистски настроенные историки, писавшие о «сексуальной революции» 1920-х годов, под давлением советской цензуры⁴³ были вынуждены использовать официальные источники, из которых однополая любовь и гендерная амбивалентность были практически стерты⁴⁴. Таким образом, взгляды

43 В 1969–1980-х годах доступ в советские архивы западных исследователей был ограничен системой контроля, включавшей визовые ограничения и надзор спецслужб, проверку и утверждение темы исследования, отсутствие консультационной помощи и полный контроль над решением о предоставлении архивных документов со стороны сотрудников архивов. Советские исследователи во многом работали в условиях схожих преград, см. введение в *Stalinism: New Directions*, ed. Fitzpatrick Sh. London: Routledge, 1999, p. 3–4.

44 Примеры нежелания обсуждать то, что явно не присутствовало в источниках, см., например, в Stites R. *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860–1930*. Princeton: Princeton University Press, 1978, p. 346–391; Goldman W. Z. *Women, the State, and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Осторожное признание отрывочных данных о «гомосексуальности» в опросах на темы половой жизни 1920-х годов см. в: Fitzpatrick Sh. *Sex and Revolution: An Examination of Literary and Statistical Data on the Mores of Soviet Students in the 1920s* // *Journal of Modern History*, vol. 50 (1978), p. 252–278.

историков на сексуальные аспекты русской революции фактически воспроизводили антигомосексуальное умолчание, которое характеризовало бóльшую часть советского дискурса революционной, сталинской и послесталинской эпох. Большинство новых исторических исследований о сексуальности в ранний советский период показывают, что «половой вопрос» вызывал смущение и неодобрение и даже подвергался нападкам, а при НЭПе служил показателем политической неблагонадежности⁴⁵. Таким образом, западные работы по «половому вопросу» до сих пор оставили неизученным аспект истории, который дал бы понять, являлись ли однополые отношения в революционной России объектом повышенного внимания властей и общества как ключевой аспект конструирования гетеросексуальности в эпоху, когда сексология и теории психоанализа и половых гормонов триумфально шествовали по Европе.

Если ревизионистски настроенные историки и затрагивали тему гомосексуальности, то это обычно происходило в контексте «великого отступления» от ценностей революции, которое, как считалось, сопровождало подъем сталинизма в 1930-е годы⁴⁶. Одним из знаковых моментов этого отступления была произошедшая в 1933–1934 годах рекриминализация мужеложства, хотя источники, освещающие данный эпизод, крайне скудны и ограничиваются скудными законодательными постановлениями и многочисленными нападениями на гомосексуалов в советской прессе. В таких исследовательских работах запрет мужской гомосексуальности связывался с постановлениями 1936 года, запретившими аборт, поддержавшими материнство и затруднившими

45 Naiman E. *The Case of Chubarov Alley: Collective Rape, Utopian Desire and the Mentality of NEP* // *Russian History / Histoire Russe*, vol. 17, no. 1 (1990), p. 1–30; он же, *Sex in Public: The Incarnation of Early Soviet Ideology*, Princeton: Princeton University Press, 1997; Waters E. *Victim or Villain: Prostitution in Postrevolutionary Russia* in *Women and Society in Russian and the Soviet Union*, ed. Edmondson L., Cambridge: Cambridge University Press, 1992; Лебина Н. Б., Шкаровский М. Б. *Проституция в Петербурге*, М.: Прогресс-Академия, 1994; Wood E. A. *Prostitution Unbound: Representations of Sexual and Political Anxieties in Postrevolutionary Russia in Sexuality and the Body in Russian Culture*, eds. Costlow J. T., Sandler S. and Vowles J., Stanford: Stanford University Press, 1993.

46 Этот тезис впервые был предложен социологом и юристом Николасом Тимашевым: Timasheff N. *The Great Retreat*. New York: E. P. Dutton, 1946.

развод. Исследователи женского вопроса и семьи убедительно рассуждали, что отход от ранних революционных утопических и антипатриархальных идеалов половой и романтической любви повлек за собой формирование консервативной и ориентированной на семью гетеросексуальности⁴⁷. Эти авторы воспринимали запрет мужской гомосексуальности в 1933–1934 годах как сигнал поворота к традиционным семейным и гендерным отношениям. Они очень мало говорили о месте однополый любви в системе революционных ценностей или в советской повседневной жизни до запрета мужеложства. Таким образом, из их работ складывалось впечатление, что в первые советские годы гомосексуальность в России была составной частью большевистской сексуальной революции, наряду с радикальным брачным законодательством и разрешением аборт. Но молчание самих большевиков на сей счет, как представляется, противоречит такому выводу. Дальнейшие исследования советского регулирования аборт и сексуальной реформы внесли нюансы в видение ревизионистски настроенных историков о том, что эти меры имели эмансипаторский характер⁴⁸. Так, аборт был разрешен в первую очередь из медицинских соображений, хотя женщины и использовали эту процедуру как способ контроля над репродуктивной функцией и возможность стать свободнее⁴⁹. Социальная политика большевиков быстро разочаровала

- 47 Lapidus G. W. *Women in Soviet Society: Equality, Development, and Social Change*, Berkeley & London: University of California Press, 1978, p. 113; Mamonova T. *Russian Women's Studies: Essays on Sexism in Soviet Culture*, New York: Pergamon, 1985, p. 130; см. также Ward Ch. *Stalin's Russia*, London & New York: Edward Arnold, 1993, p. 198–199. Ричард Стайтс, важный ревизионистский сторонник тезиса о «великом отступлении» в вопросах половой жизни, полностью проигнорировал криминализацию мужеложства в своей книге *The Women's Liberation Movement in Russia*.
- 48 Gross Solomon S. *The Demographic Argument in Soviet Debates over the Legalization of Abortion in the 1920s* // *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*, vol. 33, no. 1 (1992), p. 59–82; Goldman W. *Women, Abortion and the State, 1917–1936 in Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation*, eds. Evans Clements B., Engel B. A. and Worobec Ch. D., Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1991.
- 49 Интересно, что при обсуждении в 1920 году вопроса об аборте, женщины (И. Арманд, Н. К. Крупская) подчеркивали право женщины контролировать свои репродуктивные функции, в то время как их оппоненты мужчины акцентировали внимание на медицинских аспектах этой проблемы и соответствующем контроле; см. Wood E. A. *The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 1997, p. 107–108.

тех, кто ожидал, что она освободит женщину от традиционного неоплачиваемого труда. Радикальное законодательство о разводе, браке и алиментах сделало женщину крайне уязвимой к тому, что от нее может уйти партнер и она будет матерью-одиночкой, — и это в условиях высокого в то время уровня женской безработицы⁵⁰. Барбара Клементс и Элизабет Вуд недавно показали, сколь активно большевики противодействовали феминистским устремлениям. Советские женщины обнаружили, что партия и правящая элита, где доминировали мужчины, не подпускают их к ответственным постам ни в политике, ни в промышленности. Обе авторки подчеркнули, что, вопреки громогласно провозглашенной эмансипации женщин, большевики-мужчины не стремились к мало-мальски систематическому пересмотру своих гендерных предрассудков⁵¹. Этими же еще не исследованными представлениями о гендере объясняется подчас противоречивый подход, который они проявляли к однополой любви и гендерному диссидентству.

До недавнего времени большинство историков, изучающих Россию, утверждали, что маскулинность является безусловной, естественной, по существу движущей и «активной», обязательно гетеросексуальной и не формируемой политическими, административными или культурными средствами. Такие утверждения превалируют, несмотря на свидетельства о конструировании гендерных ролей, которые накапливались по мере развития академических исследований о русских женщинах. Пока мы еще плохо знаем историю формирования гендера у русских мужчин, хотя недавно некоторыми историками было показано, что восстановление военных структур до и после революционного переворота зависело не только от технических или идеологических новаций, но и от медицинских конструкторов маскулинной

50 Brodsky Farnsworth B. *Bolshevik Alternatives and the Soviet Family: The 1926 Marriage Law Debate in Women in Russia*, eds. Atkinson D., Dallin A. and Lapidus G. W. Stanford: Stanford University Press, 1977; Clements B. E. *The Effects of the Civil War on Women and Family Relations in Party, State and Society in the Russian Civil War*, eds. Koenker D. P., Rosenberg W. G., and Suny R. G. Bloomington: Indiana University Press, 1989.

51 Evans Clements B. *Bolshevik Women*, Cambridge: Cambridge University Press, 1997; Wood E. A. *The Baba and the Comrade*.

идентичности⁵². Исследования маскулинности в западных обществах подчеркивают роль политических и дисциплинарных практик в формировании уважаемых или гегемонных мужских идентичностей и указывают на усиление государственной заинтересованности в ограничении и подавлении однополый любви между мужчинами как часть этого процесса⁵³. Изучая однополую любовь между мужчинами в революционной России, мы можем перепроверить взаимосвязи между модернизацией маскулинности и «открытием» гомосексуала, выявленные вышеуказанными исследованиями. В то время как русские историки неохотно касались вопроса однополый любви в собственном регионе, эта тема часто привлекала внимание западных ученых (как в академических кругах, так и вне их), занимающихся гей- и лесли-исследованиями. Многие (если не большинство) публикации о советской политике в области гомосексуальности, написанные борцами за освобождение геев и лесбиянок, гей-журналистами, а также авторами, выступающими с квир-позиций, продолжают отталкиваться от идеологии новых левых, вознося хвалы революционному (или ленинскому) социализму, давшему «геям» свободу, и проклиная «дегенеративный» или «бюрократический» сталинизм, вновь отнявший ее⁵⁴. Многие из этих авторов обращаются

52 Von Hagen M. *Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917–1930*. Ithaca: Cornell University Press, 1990; Pinnow K. M. *Making Suicide Soviet: Medicine, Moral Statistics, and the Politics of Social Science in Bolshevik Russia, 1920–1930*. Ph.D. diss., Columbia University, 1998; Sanborn J. A. *Drafting the Nation: Military Conscription and the Formation of a Modern Polity in Tsarist and Soviet Russia, 1905–1925*. Ph.D. diss., University of Chicago, 1998.

53 См., например, Mangan J. A. and Walvin J. (eds.) *Manliness and Morality: Middleclass Masculinity in Britain and America, 1800–1940*. Manchester: Manchester University Press, 1987; Gilmore D. D. *Manhood in the Making: Cultural Concepts of Masculinity*, New Haven: Yale University Press, 1990; Rotundo E. A., *American Manhood: Transformations in Masculinity from the Revolution to the Modern Era*, New York: Basic Books, 1993; Hoyer R. A. *Masculinity and Male Codes of Honor in Modern France*, Berkeley: University of California Press, 1993; Connell R. W. *Masculinities*. Cambridge, England: Polity Press, 1995.

54 См., например, Lauritsen and Thorstad *The Early Homosexual Rights Movement*; McKenna N. *Men of the Lunar Light: A Utopian Period in Russian History II* Him, vol. 32 (1990), p. 49; Dollimore J. *Sexual Dissidence: Augustine to Wilde, Freud to Foucault*, Oxford: Oxford University Press, 1991, p. 94; Morton D. *The Material Queer*, p. 254–262 (статья Александры Коллонтай *Sexual Relations and the Class Struggle*, в которой она пишет о «хорошем» социализме времен ее лидерства в партии). Спутанный обзор этой политики можно найти в Norton R. *The Myth of the Modern Homosexual: Queer History and the Search for Cultural Unity*. London: Cassell, 1997, p. 252.

к данной истории только ради критики коммунистических или социалистических движений в своих странах, не углубляясь в анализ причин, которые привели к таким переменам в русском обществе и культуре⁵⁵. Их знания о данном вопросе основаны на статье фрейд-марксистского секс-реформатора Вильгельма Райха «Борьба за „новую жизнь“ в Советском Союзе» (1936). Сведения для нее Райх, как предполагается, почерпнул из различных свидетельств о том, что советская власть начала активные репрессии мужчин-гомосексуалов в 1933–1934 годах (свидетельства эти достигали его через третьих лиц)⁵⁶. В 1960-е годы новые левые заинтересовались идеями Райха и вновь привлекли внимание к его работе. Гомосексуальные теоретики из левого движения опирались на нее, чтобы критиковать гомофобию при сталинизме и в европейских компартиях⁵⁷. Помимо статьи Райха, постоянно цитируются официальные документы и словарные статьи о гомосексуальности из трех последовательных изданий Большой советской энциклопедии. Опираясь на эти источники, историки, литературоведы и квир-теоретики стремились разобраться в природе сталинистского похода против гомосексуалов в 1930-х годах⁵⁸. Помимо истории политики, стоящей за секс-реформой

- 55 См., например, Hocquenghem G. *Homosexual Desire* (1972), Durham: Duke University Press, 1996, p. 133–136 и, несмотря на признание отсутствия социальной основы гомосексуальной реформы в СССР, Weeks J. *Coming Out*, p. 144–150. Критика Карлинским взглядов левого гей-движения на эту историю была сосредоточена на отсутствии в нем учета российских социальных и культурных особенностей, см., например, *Gay Life before the Soviets*.
- 56 К тому времени, когда в СССР ввели запрет на мужеложство, Райх был исключен из коммунистической партии и находился в изгнании в Скандинавии; см. Boadella D. *Wilhelm Reich: The Evolution of His Work*. London: Vision, 1973.
- 57 Так, например, Ги Окэнгэм (Guy Hocquenghem) осудил В. Райха как «крайнего реакционера», а его попытку «скрестить» секс и революцию он определил как обреченную на воспроизводство «гетеросексуальной нормы»: *Homosexual Desire*, p. 133–136; о В. Райхе как герое прогрессивной сексуальной политики, чьи старания пресек сталинизм, см. Lauritsen and Thorstad *The Early Homosexual Rights Movement*, p. 77.
- 58 Воспроизведенная недавно в нижеуказанном издании подборка четырех документов сталинской эпохи (из «Большой советской энциклопедии», газеты «Правда» и других источников) широко цитировалась многими историками. Несмотря на предисловие Лоры Энгельштейн, объясняющее тонкости, необходимые для их интерпретации, эти хорошо известные документы производят хорошо знакомое впечатление «толерантности», поправной в 1930-х годах сталинским «поворотом на 180 градусов при регулировании частной и половой жизни»: Blasius M., Phelan Sh. (eds.) *We Are Everywhere: A Historical Sourcebook of Gay and Lesbian Politics*. New York: Routledge, 1997, pp. 197–199, 214–215.

в Европе, и нападок гей-активистов на закостенелую гендерную политику традиционных левых на Западе, историки, изучавшие геев и лесбиянок (за исключением Карлинского), мало что писали о сексуальностях в России.

Особенности положения России, которая не является ни европейской, ни азиатской страной, но при этом вмещает в себя оба эти понятия, привели к тому, что те, кто изучал сексуальности на этих двух континентах, как правило, обходили ее вниманием⁵⁹. Обзоры истории однополой любви довольствовались по сей день лишь небольшой выборкой «авторитетных» текстов, освещая Россию или Советский Союз. Дело дошло до того, что недавно один известный ученый и вовсе проигнорировал этот обширный и неоднородный регион⁶⁰. В результате мы имеем историческую литературу, которая сократила опыт громадной нации (а также многих народов поменьше, находящихся под ее властью) до нескольких печально известных личностей и эпизодов. Отсутствие сведений о противоречивом понимании сексуально-гендерного диссидентства в Российской империи царского периода и позднее в СССР чревато большими пробелами в квир-исследованиях.

Однополая любовь рассматривалась как заболевание не во всем этом регионе. Россия — великолепный пример (которым доселе пренебрегали) европейского общества с противоречивыми,

59 Так, полиглот Руди Блейс не упоминает о России в своем исчерпывающем обзоре этнографической литературы об Азии, Африке и обеих Америках. Bleys R. S. *The Geography of Perversion: Male-to-Male Behaviour outside the West and the Ethnographic Imagination, 1750–1918*, New York: New York University Press, 1995; бачи (мальчики-проституты) среднеазиатских обществ упоминаются лишь раз в Murray S. O., Roscoe W. (eds.) *Islamic Homosexualities: Culture, History, and Literature*, New York: New York University Press, 1997, p. 208–211. Больше внимания сексуальной и гендерной амбивалентности сибирских народов Дальнего Востока уделено в Murray S. O. (ed.) *Oceanic Homosexualities*. New York: Garland, 1992, p. 314–336.

60 Скромная база источников по России характеризовала следующие исследования, которые во многих отношениях были исчерпывающими: Karlen A. *Sexuality and Homosexuality: A New View*, New York: W. W. Norton, 1971; Greenberg D. *The Construction of Homosexuality*. Chicago: University of Chicago Press, 1988. Недавние популярные обзоры истории либо опирались на работы Карлинского, как, например, Miller N. *Out of the Past: Gay and Lesbian History from 1869 to the Present*, New York: Vintage Books, 1994, или полностью игнорировали Россию; примером бестселлера недавних лет является Spencer K. *Homosexuality: A History*, London: Fourth Estate, 1995.

размытыми взглядами на однополю́ый эрос среди различных народов и этнических групп⁶¹. «Гомосексуальность» среди нехристианских народов на периферии империи интерпретировалась совсем иначе, чем в случае великороссов в центре страны, и к тому же весьма непоследовательно. С точки зрения антропологов XIX века, следовавших медицинской модели, гендерно-трансгрессивные шаманы коренных народов Дальнего Востока страдали от «извращения полового инстинкта». В то же время российские врачи считали мусульманских мужчин, эксплуатирующих мальчиков-проституттов, развращенными, но не больными⁶². Историю западных идей о гомосексуальности в России следует понимать не только в связке с автократическими или советскими структурами власти, в которых эта модель применялась, но и во взаимосвязи с вариациями этой модели, которые возникали, когда она перерабатывалась или полностью отвергалась, чтобы объяснить сексуально-гендерное диссидентство среди «нецивилизованных» народов за пределами европейской части империи⁶³. В России XIX–XX веков действовала дифференцированная «география извращений», и данная книга, хоть и посвящена преимущественно изучению европейской части

- 61 Половые акты между мужчинами среди азиатских, африканских и американских аборигенов воспринимались европейцами в XIX веке как эндемические или «присущие низшим расам», в то время как те же самые акты в среде самих европейцев обычно рассматривались как девиации, характерные лишь для меньшинства: Bleys R., *The Geography of Perversion*, p. 270. В России, которую Р. Блейс, впрочем, проигнорировал, придерживались подобного же ошибочного взгляда.
- 62 О сибирских шаманах см. подборку из антропологической литературы в Murray S. O. *Oceanic Homosexualities*, pp. 314, 324, 332–336; о возрождении сибирских шаманских культур и сопутствующей андрогинности см. Balzer M. M. *Sacred Genders in Siberia in Gender Reversals and Gender Cultures: Anthropological and Historical Perspectives*, ed. Ramet S. P., London: Routledge, 1996; о мужчинах-мусульманах см., например, Тарновский В. М. *Извращение полового чувства. Судебно-психиатрический очерк*, СПб., 1885, с. 50–51, а также Шварц А. *К вопросу о признаках привычной пассивной педерастии (Из наблюдений в азиатской части г. Ташкента)* // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, № 6 (1906), с. 816–818.
- 63 Ученые начали изучать отношение русских к разным народам в их подданстве, и их исследования подчеркивают асимметрию подхода господствующей нации к меньшинствам, базирующуюся на иерархии европейских представлений о развитии. Этот вопрос прекрасно освещен в Slezkine Y. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*, Ithaca: Cornell University Press, 1994; Brower D. and Lazzarini E. (eds.) *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917*, Bloomington: Indiana University Press, 1997.

страны, делает попытку очертить контуры такой географии в российском воображении.

Резюмируя данный обзор, скажем, что, к великому сожалению, имеющаяся литература по истории российского и советского обществ, игнорируя или отказываясь принимать во внимание сексуально-гендерное диссидентство, не отражает опыт «сексуального меньшинства». Она упустила из виду один из важнейших компонентов власти, сама способствуя воспроизводству и распространению мифа об универсальной, естественной и вневременной российской или советской гетеросексуальности. Игнорируя однополые отношения между женщинами, она оставила без внимания элемент, который историки других стран считают одной из главных составляющих современных фемининных ролей. Обойдя стороной российскую и советскую маскулинность, историки проглядели ключевой фактор в выстраивании порядка властных отношений в обществе. В то же время сосредоточенные на гей- и лесби-исследованиях историки, а также квир-теоретики неправильно понимают или просто игнорируют социальную и культурную основу, питающую бурную историю регулирования однополого влечения в эпоху русской революции. До сих пор историки гомосексуальности не изучили в достаточной степени связи и нестыковки между революционными замыслами большевиков и теми методами, которыми они модернизировали унаследованную ими империю на практике.

В поисках сексуально-гендерного диссидентства в контексте российских реалий

Эта книга посвящена двум ключевым вопросам. Первый прост: что вообще известно об однополом влечении в российском прошлом? Изучение различных свидетельств, о которых я расскажу позже в этой части главы, должно сделать возможным выявление социальных, культурных и гендерных контекстов, в которых развивалась любовь между лицами одного пола в ключевых регионах царской и советской России. Отталкиваясь от этих находок, можно будет перейти ко второму ключевому вопросу:

каким образом регулирование сексуально-гендерного диссидентства было модернизировано в революционной России и что отличало этот процесс от аналогичных явлений на Западе? В поисках ответов на этот вопрос я буду опираться в первую очередь на свидетельства из правительственных учреждений, из кругов врачей и юристов (как практиков, так и теоретиков-исследователей), на статистические отчеты и разного рода социальные комментарии.

Модернизация секса в индустриальных обществах Запада неразрывно связана с медициной и разворачиванием внутри нее дискурса о сексуальности, а также связанных с ним процессов диагностики, лечения и надзора за сексом. Мишель Фуко призвал целое поколение изучить микроклимат клиники, школьного класса и будуара, чтобы раскрыть конструирование сексуальности, возникающей в разговорах врача и пациента, взрослого и ребенка, мужа и жены. Развертывая дискурсы о сексуальности, общества, которые переступали «порог модерности»⁶⁴, добивались большего контроля над телом индивида и над здоровьем и приростом населения, частью которого этот индивид является⁶⁵. Историки американской и европейской гомосексуальности рассматривают дискурс о сексуальности как неотъемлемый атрибут модерности, а сама гомосексуальность интерпретируется как изобретение современной эпохи, результат диалога психиатров с пациентами, «содомитов» (и позднее «извращенцев») с полицией⁶⁶.

В работах по идеологии секса и гендера в царской России Лора Энгельштейн выдвинула предположение относительно того, как дискурс о сексуальности современной эпохи был воспринят,

- 64 Здесь и далее англ. слова *modernity* и *modern*, используемые в англоязычной литературе для обозначения эпохи Нового времени, переводятся как «модерность» и «модерный». К вариантам перевода и значениям этого понятия в современной гуманитарной русскоязычной литературе, см. дискуссию в № 140 журнала «Новое литературное обозрение» (раздел «Споря о модерности», особенно введение Николая Поселягина «Испытание модерностью») – Прим. пер. и ред. нового издания (Т. К.).
- 65 Foucault M. *History of Sexuality: An Introduction*, т. 1, с. 97, 143–145; Robinson P. *The Modernization of Sex: Havelock Ellis, Alfred Kinsey, William Masters and Virginia Johnson*. New York: Harper & Row, 1976.
- 66 Greenberg D. F. *The Construction of Homosexuality*, p. 14; Duberman et al., introduction to *Hidden from History*, p. 9. Краткий обзор дискуссион по этой теме представлен в Jagose A. *Queer Theory: An Introduction*. New York: New York University Press, 1996, p. 10–21.

осмыслен, отвергнут и модифицирован в России⁶⁷. Энгельштейн убедительно показала, что дисциплинирующая власть в либеральных демократиях — то, что Фуко называл властью-знанием, то есть режимы знания и методы научной практики, применяемые к определенным слоям населения, — не имела ни малейшего шанса на успех в российских условиях. Царизм «настолько же не желал видеть альтернативные источники влияния и защиты, насколько он завидовал власти, свойственной закону»⁶⁸. На смену царскому абсолютизму пришло большевистское «полицейское государство», отвергавшее либерализм в сфере права. Большевизм «приспособил профессиональные дисциплины для своих репрессивных целей»⁶⁹. Представление об историческом процессе (от абсолютизма через просвещенческий деспотизм к либерализму), присущее анализу модерности, предложенному Фуко, неуместно в случае России. Энгельштейн анализирует концепцию совместного развития Л. Д. Троцкого (называя его совместным недоразвитием), чтобы описать «наложение» этих обычно следующих друг за другом форм власти друг на друга в политике ленинизма-сталинизма. «Режим „власть-знание“ никогда не проявлял себя должным образом в российском контексте», поскольку не было ни законодательного базиса, ни правового государства, способных обеспечить его верховенство⁷⁰.

Однако, как Энгельштейн признает в своем применении идей Фуко к России, российская элита, которая усвоила западные идеи, а также научные круги переняли «новые дисциплинирующие механизмы», пусть это и произошло внутри меняющегося политического контекста, что наложило на них определенные ограничения. Готовность психиатров, биологов и сексологов выдвигать требования по защите «гомосексуала» вопреки авторитарному контексту, в условиях которого они жили, имела место в ряде неевропейских стран, вступивших на путь

67 Engelstein L. *Lesbian Vignettes: A Russian Triptych from the 1890s // Signs*, vol. 15, № 4 (1990), с. 813–831; она же *The Keys to Happiness*.

68 Engelstein L. *Combined Underdevelopment: Discipline and the Law in Imperial and Soviet Russia // American Historical Review*, vol. 98, no. 2 (1993), p. 338–353, цитата на с. 348.

69 Engelstein L. *Combined Underdevelopment*, p. 344.

70 Engelstein L. *Combined Underdevelopment*, pp. 344, 351.

индустриализации⁷¹. Один из центральных вопросов данной работы можно сформулировать следующим образом: как эти дисциплинарные механизмы сочетались с авторитарной властью, или, точнее, как ученые царской и коммунистической России применяли гомосексуальность в качестве диагноза? Я показываю, что специфичное локальное применение данных дисциплинирующих механизмов на широких просторах России было столь же важно, как и единодушие во взглядах на гомосексуальность, отличавшее исторические труды того времени. Новые свидетельства заставляют нас обратить внимание на различия в подходах представителей разных профессиональных областей и на стоящий за этим политический смысл. Равным образом следует учитывать географические и национальные границы бытования гомосексуальности как научной категории, а также подходы большевиков и ученых к однополой любви и гендерному диссидентству за пределами европейской части России как признак того, что модерность туда еще не продвинулась.

Чтобы избежать наиболее распространенных анахронизмов, я придерживался следующих лингвистических принципов. Я различаю понятия «гомосексуальность» как специфическое психосексуальное состояние, кодифицированное западной медициной в последней трети XIX столетия, и «однополая любовь» (или эрос, или отношения, или половой акт), которая встречалась в истории большинства обществ. К вариациям последнего термина я буду прибегать в случае, когда необходимо различать временное или культурно-нейтральное обозначение отношений между лицами одного пола.

В данной работе я пытался прислушиваться к первоисточникам и скрупулезно придерживаться медицинской, юридической и общепринятой терминологии, используемой авторами этих трудов. Поступая таким образом, я стремился дать читателям

71 Jackson P. A. *Thai Research on Male Homosexuality and Transgenderism*; Lunsing W. *Japan: Finding its Way? in The Global Emergence of Gay and Lesbian Politics: National Imprints of a Worldwide Movement*, eds. Adam B. D., Duyvendak J. W., and Krouwel A., Philadelphia: Temple University Press, 1999, p. 295-296; Lumsden I. *Machos, Maricones, and Gays*, p. 96-114; Green J. N. *Beyond Carnival*, p. 107-146.

возможность почувствовать дух языка, которым пользовались царские и советские психиатры, врачи, юристы, а также мужчины и женщины, практиковавшие однополый эрос. Временами это могло привести к путанице, которую я стремился свести к минимуму и предоставлял разъяснения, но такая концептуальная путаница — это тоже суть данной истории. Перенимание и распространение европейских концепций гомосексуальности в Российской и советской империях проходило по множеству различных траекторий. История об этом, которую рассказывают русские люди того времени, многоголоса, а их лингвистические и концептуальные расхождения проливают свет на более глубокие различия в их взглядах. Когда я не заимствовал напрямую термины, используемые юристами и врачами, я называл исторических персонажей гомосексуалами только в тех случаях, когда они с большой степенью вероятности принадлежали к определенному субкультурному контексту и идентифицировали себя с ним. Мужская гомосексуальная субкультура начала возникать в российских городах в 1870–1880-х годах. «Гомосексуалистки» (как российские психиатры называли некоторых женщин, которые занимались сексом с женщинами) появились в 1890-е годы, их культура была более раздробленной и часто существовала вне публичного пространства. Обычные образованные жители Российской империи, по-видимому, не использовали вошедшее в язык в 1895 году слово «гомосексуалист» до 1905 года⁷². Многие

72 В русской медицине конца XIX века использовала слова «педерастия» и «педераст» применительно к мужчинам, практикующим анальный половой акт (обычно с другими мужчинами), независимо от возраста партнера. В этих практиках русские (и простой народ, и образованные слои населения) подражали французскому использованию данных слов. В XVIII веке сексуальная культура российской элиты позаимствовала много французских моделей; см. Кон И. С. *Исторические судьбы русского Эроса в Секс и эротика в русской традиционной культуре*, ред. Топорков А. Л. М.: Ладомир, 1996, с. 13. Первое известное использование в русском языке прилагательного «гомосексуальный» встречается у И. М. Тарновского: «<...> с самых древнейших времен рядом с нормальной гетеросексуальной любовью существовала и существует и теперь любовь ненормальная, гомосексуальная» (Тарновский И. М. *Извращение полового чувства у женщин*. СПб, 1895; см. Engelstein L. *Lesbian Vignettes*. Ослабление цензуры после 1905 года привело к тому, что термин вышел за пределы научной аудитории; см. напр. Ушаковский П. В. [псевдоним] *Люди среднего пола*, СПб, 1908; Руадзе В. П. *К суду! Гомосексуальный Петербург*, СПб, 1908; Фукс И. Б. *Гомосексуализм как преступление*. Юридик.

→

люди, имевшие однополые отношения после этой даты, не были гомосексуалами, поэтому я использую нейтральные определения («человек, испытывавший однополое влечение» или «человек, имевший сношение с представителями собственного пола») в случаях, когда документы не указывают на их самоидентификацию с гомосексуальностью. К этой категории я отнес тех, кто вступал в однополые отношения по принуждению или в не повседневных ситуациях (например, людей, находящихся в тюрьме, или членов определенных субкультур проституции).

В России конца XIX — начала XX столетия термины «лесбийская любовь» и «лесбиянка» не выходили за пределы интеллектуальной элиты и имели литературный оттенок, поэтому психиатры предпочитали этим терминам такие, как «женский гомосексуализм» и «гомосексуалистка»⁷³. В своем кропотливом и убедительном исследовании Диана Льюис Бургин изучила, было ли у таких женщин, любивших женщин в конце царской имперской и начале советской эпохи, что-то большее, чем зарождающееся ощущение лесбийских ролей. В то же время, изучая примеры женского однополого эроса в народной среде и среди элит, Ольга Жук приняла эту терминологию без вопросов, обозначив этот эрос как «лесбийский»⁷⁴. Поясню, что я употреблял это слово только тогда, когда оно встречалось в первоисточнике, в остальных же случаях я пользовался более нейтральными выражениями.

История современных идей о гомосексуальности связана с многообразием форм, которые в русском языке в настоящее время называют (без всякой иронии) нетрадиционным сексом. Квир-теоретики отмечают разнообразие гендерных и сексуальных

и угол.-политич. очерк. СПб: Общественная Польза, 1914. Следует также обратить внимание на использование выражения «гомосексуальные преступления с солдатами» всеми основными фигурантами дела 1909 года об увольнении из императорской армии штабс-капитана А. И. Белинского, ГАРФ ф. 117, оп. 1, д. 300. Благодарю Джошуа Сэнборна за указание на этот источник.

73 Lewis Burgin D. *Laid Out in Lavender: Perceptions of Lesbian Love in Russian Literature and Criticism of the Silver Age, 1893–1917 in Sexuality and the Body in Russian Culture*, eds. Costlow J. T., Sandler S., and Vowles J., Stanford: Stanford University Press, 1993; Healey D. *Unruly Identities: Soviet Psychiatry Confronts the “Female Homosexual” of the 1920s in Gender in Russian History and Culture, 1800–1990*, ed. Edmondson L. London: Palgrave, 2001.

74 Burgin D. L. *Sophia Parnok*; Жук О. *Русские амазонки: История лесбийской субкультуры в России, XX век*. М.: Глагол, 1998.

вариаций, отличных от укоренившихся в западной культуре и исторически обусловленных конструкций полового диморфизма (концепции существования только двух различных полов) и гетеросексуальности⁷⁵. Сегодня заявляют о себе и восстанавливают свои истории в прошлом те идентичности, кого в 1970–1980-х годах сводили к «лесбиянкам и геям». Свою историю требуют бисексуалы, интерсексы (гермафродиты) и трансгендерные люди. В то же время антропологи и квир-теоретики указывают на сходства и различия с незападными культурами⁷⁶. Упрощенное понимание, которое сводит всех стоящих в этом ряду акторов к гомосексуалу, не может не меняться под давлением всех этих историографических процессов. Данная книга может лишь обозначить отправные точки для более внимательного изучения историй других идентичностей, преступавших норму гендера и сексуальности в России и СССР. Для обозначения специфики этого опыта я буду использовать термин «сексуально-гендерное диссидентство», обращаясь к явлениям, связанным с гомосексуальностью в языке и мышлении русского человека начала XX столетия. Прибегая к этой формулировке, я хочу напомнить читателям, что некоторые акторы выражали свое неподчинение не путем выбора сексуального партнера, а через свою интерпретацию гендера⁷⁷. Намеренно применяя понятие «диссидентство» к данной сфере, я предлагаю подчеркнуть активную роль тех, кто решил преступить границы доминирующей гендерно-сексуальной системы⁷⁸. Люди, носившие одежду, предписанную

75 Прекрасный образец атаки на жесткий половой диморфизм представлен в Fausto-Sterling A. *The Five Sexes: Why Male and Female Are Not Enough // Sciences* (March/April 1993), p. 20–24.

76 Califia P. *Sex Changes: The Politics of Transgenderism*, San Francisco: Cleis Press, 1997; Dreger A. D., *Hermaphrodites and the Medical Invention of Sex*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998; Feinberg L., *Stone Butch Blues*. Ithaca: Firebrand Publishers, 1993; она же: *Transgender Warriors: Making History from Joan of Arc to RuPaul*. Boston: Beacon Books, 1996; Herdt G. *Third Sex, Third Gender*. Легко обнаруживаемую историю бисексуальности можно прочесть в Spencer C. *Homosexuality*.

77 О перформативных аспектах гендера см. Butler J., *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York: Routledge, 1990.

78 Кто-то может возразить, что эти личности не могут нести ответственность за свои поступки, ведь они просто следуют зову гормонов, генов или (изъясняясь более грубо) своих половых органов. Поэтому суждение об их поведении как о «диссидентстве», мол, непропорционально. Полагаю, что, какой бы ни была биологическая основа для однополого влечения и гендерной трансгрессии, люди, испытывающие их, делают это независимо от того, что их социализация прошла в гегемонной

→

противоположному полу, люди, выдававшие себя (путем переодевания, специфическими манерами поведения или подделывая документы) за лиц противоположного пола, те, кто желал изменить свой пол, люди, чей публичный гендерный перформанс скользил по грани респектабельности (женственные мужчины и мужеподобные женщины), и гермафродиты — вот основные примеры сексуально-гендерных диссидентов, часто идентифицируемых в данном языке с гомосексуалами⁷⁹. Поскольку данная книга посвящена гомосексуальности и ее медико-юридическим концепциям, такого рода диссиденты будут то и дело появляться на ее страницах, но не стоит думать, что их истории будут точно-точно повторять историю однополый любви в России.

Настоящее исследование отмечено существенными ограничениями, отчасти добровольно наложенными на себя автором, а отчасти продиктованными наличием (или недоступностью) документов. Прежде всего следует иметь в виду, что поднятые в этой книге вопросы и используемые документы фиксируют историографию сексуальностей, в которой внимание сосредоточено на регулировании секса между мужчинами в общественных

секс-гендерной системе. Они оказываются перед выбором: следовать зову своих трансгрессивных влечений либо подавлять их. Этот выбор несет в себе последствия, влияющие на всю жизнь, которые свидетельствуют о сексуальной политике нормальности (как будет ясно из восьмой главы, где я, например, рассматриваю судьбы тех, кто в конце 1930-х годов в Москве решался заниматься сексом с лицами собственного пола). Теоретические дискуссии на тему «идентичности как сопротивления» доминирующей секс-гендерной системе представлены в Weeks J., *Against Nature: Essays on History, Sexuality and Identity*. London: Rivers Oram Press, 1991, p. 74–83; Dollimore J. *Sexual Dissidence*. Другое возражение касательно применения термина «диссидентство» в русском контексте может быть выдвинуто со стороны политологов, предлагающих оставить ярлык «диссиденты» для активистов когорты борцов за гражданские права, появившихся в позднесоветском обществе. Это возражение отражает гетеросексистскую концептуализацию и свободы, и диссидентства. Известно, что в 1970–1980-х годах КГБ рассматривал гомосексуальность как форму «полового диссидентства», о чем см. Dorf J. *On the Theme: Talking with the Editor of the Soviet Union's First Lesbian and Gay Newspaper // Outlook*, vol. 1 (1990), p. 55–59.

79 Гермафродиты (люди с гениталиями и анатомией, соединяющей в себе элементы мужского и женского) могут казаться биологически «ущербными» людьми, к которым ярлык «сексуально-гендерного диссидента» неприменим. С моей точки зрения, эти люди, которым постоянно приходится прилагать усилия, чтобы их представление себя в качестве мужчин или женщин не было отвергнуто обществом, очень остро осознают искусственность гендера и свою манипуляцию им, чтобы увеличить свои шансы на успех в жизни. См. Fausto-Sterling *The Five Sexes*; Healey D. *“Man or Woman?”: Hermaphroditism as a Medical Problem in Tsarist and Soviet Russia* (доклад был представлен на Европейской конференции по истории общественных наук, состоявшейся в Амстердаме 13 апреля 2000 года).

местах и на конструировании маскулинности⁸⁰. В этих регулирующих рамках женщины обычно игнорировались, хотя более тщательное исследование юрисдикций, где «противоестественные акты» между женщинами были криминализованы, например в Австро-Венгерской империи и некоторых странах, образовавшихся в результате ее распада, может поколебать англо-американский тезис о безнаказанности лесбиянок. Пытаясь интегрировать российские истории мужской и женской однополрой любви, я вижу свою задачу в выявлении связей между мужской и женской гомосексуальностью, создаваемых структурами, которые пытались регулировать, контролировать и излечивать от нее. В случае России игнорировать тот или иной пол — значит существенным образом сужать и искажать реальную картину. Более того, Россия нуждается в емких нарративах, которые бы могли поддержать постсоветский квир-активизм, а не в защите иллюзорного «культурного единства», как это делает историк-эссенциалист Риктор Нортон⁸¹. Западные труды по социальному и культурному прошлому России, игнорирующие означенные проблемы, тоже выиграли бы от такого подхода. Несомненно, поскольку внимание в данной книге сосредоточено на регулирующих и властных аспектах, некоторые читатели, возможно, придут к выводу, что она в недостаточной степени исследует однополую любовь женщин как полноценную и самостоятельную тему. Могу лишь заранее согласиться с подобной критикой и приглашаю коллег поразмышлять, как провести подобные исследования в российском контексте.

Хронологические рамки данного труда были заданы мной исходя из этих историографических соображений. Переход к современности ознаменовался новыми подходами к восприятию тела, гендера и пола, многие из которых базировались на естественно-научных представлениях и понятии рационализма. Данная книга открывается событиями около 1870 года, когда в царской

80 О критике маскулинизма в данной литературе см. Auchmuty A., Jeffreys S. and Miller E. *Lesbian History and Gay Studies: Keeping a Feminist Perspective* // *Women's History Review*, vol. 1, no. 1 (1992), p. 89–108.

81 Призыв Алана Синфелда к «более энергичным и глубоким исследованиям субкультур», несмотря на скептицизм в отношении «геев» как всеохватывающей категории, возможно, касался постсоветской России. См. Sinfield A. *Gay and After*. London: Serpent's Tail, 1998, pp. 17, 79, 181.

России впервые появилась медицинская модель однополой любви. Специфическое и узкое разрешение проблемы, предложенное в рамках данной модели, — сталинистское введение принудительной гетеросексуальности в конце 1930-х годов — завершает книгу. В эпилоге я бегло очерчиваю некоторые из последствий такого решения для российского общества — с 1940-х вплоть до 1990-х годов — и предлагаю пути дальнейших научных поисков.

На моем исследовании, естественно, сказались степень доступности источников и ограничения, чинимые научным изысканиям в постсоветской России. За десять лет, прошедшие после краха советского режима, западные читатели привыкли к потоку беспрецедентных открытий, хлынувшему из архивов Российской Федерации. В этой книге использованы судебные дела времен царской России и СССР, медицинские и юридические документы, личные бумаги — источники, ставшие доступными в результате новой открытости архивов. Есть, однако, некоторые важные источники, которые я не смог найти, а также темы, которых я намеренно избегал. За время работы я пришел к выводу, что наиболее подробные документы, касающиеся принятия и проведения в жизнь в 1933–1934 годах закона против мужеложства, находятся, вероятно, в архивах Министерства внутренних дел России (МВД), Федеральной службы безопасности (ФСБ — правопреемницы ОГПУ/НКВД/КГБ) или Архиве Президента Российской Федерации (АПРФ). Все эти организации придерживаются политики крайней закрытости, и любой специалист понимает, насколько сложно заполучить в их фондах документы по интересующей нас тематике⁸².

82 Одно дело из Президентского архива, по-видимому, посвящено применению сталинского закона против мужеложства: АПРФ, ф. 3, оп. 57, д. 37; см. *Из истории Уголовного кодекса: «Примерно НАКАЗАТЬ этих Мерзавцев» // Источник*, № 5–6 (1993), с. 164–165. Через надежного посредника я узнавал, хранятся ли в архивах МВД какие-либо исследования советского периода, связанные со сталинским законом против мужеложства (например о количестве приговоров, характере преступлений или принудительных мерах), однако получил отрицательный ответ. Подобные отчеты о специфических преступлениях (таких как преступления несовершеннолетних, групповое изнасилование или «преступления, посягающие на эмансипацию женщин» в Средней Азии) периодически появлялись в изданиях Народного комиссариата юстиции, Прокуратуры РСФСР и СССР и Верховного Суда СССР. В этих архивохранилищах документы такого рода о законе против мужеложства чрезвычайно редки.

В этих архивах могут находиться вполне конкретные ответы на вопросы о большой политике, относительно которой мне в данной книге остается лишь строить гипотезы. Причины неожиданного интереса государства к мужчинам-гомосексуалам в 1933 году, о котором я говорю в седьмой главе, остаются неясными. Неизвестно, обсуждали ли в то время руководители компартии и полиция женские однополые отношения как проблему. Также неизвестно точное число мужчин, арестованных и брошенных в тюрьмы с 1933 по 1959 год за гомосексуальные акты. Мы не знаем, имели ли место попытки пересмотра после сталинскими партией и правительством законодательства против мужеложства, равно как и не знаем, какие решения принимались на протяжении советского периода, чтобы продолжить это законодательство активно применять. Также нет ответа на вопрос, беспокоило ли руководство страны то обстоятельство, что лица, возвращавшиеся из ГУЛАГа в конце 1950-х годов,если в широкие массы лагерные сексуальные практики (включая однополые отношения). Мы располагаем лишь фрагментарной картиной лечения гомосексуальности в Советской армии. Эта тема еще не исследована, но, судя по всему, степень доступности необходимых документов будет напрямую зависеть от развития процессов демократизации в Российской Федерации. Несмотря на демократические преобразования, исследования тем, связанных с сексуальностью, остаются неким табу для постсоветских академических кругов, и это ставит преграды тем, кто интересуется регулированием гомосексуальности при советской власти. Даже самые маститые исследователи, попытайтесь они получить доступ к ключевым документам в специальных архивах, столкнулись бы с многочисленными препонами и получили бы лишь небольшую отдачу от таких усилий.

Именно поэтому я решил ограничиться документами нижестоящих организаций и был вознагражден обилием информации, которая в них содержалась. Основные данные я почерпнул из медицинской и юридической литературы по половым извращениям, изданной в царской России и СССР. Бесценными документами оказались и неопубликованные судебные отчеты

по делам, касающимся половых преступлений (мужеложство, различные формы сексуального развращения несовершеннолетних и однополое изнасилование). Документы из архивов народных комиссариатов здравоохранения и юстиции РСФСР, Прокуратуры СССР и Коммунистической партии Советского Союза предоставили контекст для этих судебных отчетов. А из дневников и мемуаров была почерпнута информация, недоступная в официальных источниках.

Медицинская литература подразделяется на несколько основных дисциплин, начиная с судебной медицины XIX века, а затем — с 1880-х годов — психиатрии и судебной психиатрии. В 1920-х годах эндокринология и (в гораздо меньшей степени) социальная гигиена также затрагивали тему гомосексуальности — правда, с совершенно различных исходных позиций. В 1905–1930 годах научно-популярная литература по морали и половому просвещению была одним из главных рычагов распространения предписаний о сексуальности за пределами узкого круга специалистов⁸³. К середине 1930-х годов количество советских профессиональных дискуссий по гомосексуальности резко сократилось. В изданиях по судебной медицине и психиатрии 1940–1950-х годов встречаются лишь отрывочные заметки по данному вопросу. В целом из доступной нам литературы следует, что медицинские истории лиц, вступавших в однополые отношения, описывают более ста случаев. Самые ранние из них датируются 1860-ми годами, а позднейшие из рассматриваемых в этой книге — 1960-ми⁸⁴.

83 О советском варианте такой литературы см. Bernstein F. L. *What Everyone Should Know about Sex*.

84 В России установлен семидесятипятилетний запрет на доступ к архивным делам под грифом «личная документация». Директора архивов каждый по-своему интерпретируют это ограничение. В 1995 году мне сообщили, что медицинские истории болезней пациентов после 1920 года, хранящиеся в Министерстве здравоохранения РФ, не могут быть предоставлены для исследовательских целей. (Подобные ограничения не редкость в Европе и США.) К сожалению, в результате мы не смогли установить местонахождение историй болезней особенно заинтриговавших меня пациентов, таких как Евгения Федоровна М., «гомосексуалистка» и «трансвестит», чей случай описан во второй главе. (О более раннем моем исследовании этого случая см. мою статью *Evgeniia/Evgenii: Queer Case Histories in the First Years of Soviet Power // Gender and History*, vol. 9, no. 1 (1997), p. 83–106). Большинство медицинских историй болезней, использованных в этой книге, почерпнуты из опубликованных источников.

Мной использовались судебные уголовные дела за период с 1862 по 1959 год. Большинство из них рассматривалось в городских судах Москвы. Документы из этих уголовных дел были получены в Центральном государственном историческом архиве Москвы (ЦГИАМ) и Центральном городском архиве Москвы (ЦГАМ). Сведения о небольшом числе уголовных дел, рассматривавшихся в других городах и регионах, почерпнуты из дореволюционной судебной литературы. Другим источником уголовных дел царского периода был личный архив петербургского юриста Анатолия Федоровича Кони, хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации в Москве (ГАРФ). Он содержит копии следственных и судебных документов, собранных Кони, семь из которых — по поводу однополого изнасилования, разращения малолетних или секса по обоюдному согласию. Любопытное дело периода Гражданской войны об уголовном преследовании в Москве епископа Палладия за «противоестественные действия» с четырнадцатилетним послушником было обнаружено в ГАРФ в фонде Народного комиссариата юстиции РСФСР, в разделе документов по отделению Церкви от государства. Публикации воинствующих атеистов — еще один источник, повествующий о вынесении приговоров по однополым правонарушениям в среде духовенства в первые годы советской власти. Мне не дали разрешения изучить судебные описи уголовных дел Московской области, хранящиеся в Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО) и содержащие судебные отчеты о преступлениях, совершенных в 1917–1930 годах⁸⁵. По этой причине, описывая 1920-е годы (время, когда мужеложство было номинально легализовано), я использую только судебную литературу. За означенный период всего несколько человек в России (за исключением, возможно, последователей церкви) могли формально подлежать уголовному преследованию за мужеложство (между согласившимися на него взрослыми), хотя опубликованные отчеты ясно свидетельствуют, что за открытую

85 В силу действующего семидесятипятилетнего запрета на доступ к «личным документам».

демонстрацию однополого влечения в общественном месте или за его направленность на малолетних или несовершеннолетних, мужчины и женщины попадали под уголовное преследование. Эти случаи рассмотрены в шестой главе⁸⁶.

В ЦГАМ, где сосредоточены московские судебные отчеты за 1930-е и последующие годы, я обнаружил отчеты по шестнадцати уголовным делам о мужеложстве или однополом развращении несовершеннолетних за период с 1935 по 1959 год. (Следует помнить, что речь идет о выборочных делах, проходивших через *обычные* народные суды в эпоху, когда НКВД арестовывало и осуждало никому точно не известное число советских граждан за подобные «преступления», часто на основании сфальсифицированных улик или выбитых под пытками показаний.) Из числа уголовных дел, прошедших через обычные суды и хранящихся в ЦГАМ, в восьми фигурируют взрослые мужчины — эти дела относятся к 1935–1941 годам. В них названы и описаны случаи тридцати шести обвиняемых, которым вменялось, в первую очередь, добровольное мужеложство. В семи из этих дел сохранились приговоры и апелляционные жалобы осужденных, в которых отражены ценные детали судебного разбирательства, такие как обстоятельства совершения преступления, возраст, род занятий, образование, гражданский и партийный статус большинства обвиняемых⁸⁷. Единственное уголовное дело, относящееся к 1940 году, задокументировало в приговоре и апелляционной жалобе половые отношения между тридцатилетней женщиной и девушкой, которой во время связи было 16–18 лет. Одно дело о мужеложстве (датируемое 1941 годом) содержит полный комплект документов

86 Поиски аналогичных уголовных документов за 1920-е годы для города Екатеринбург (Свердловск), проведенные мной в Государственном архиве Свердловской области, и для Саратова — в Государственном архиве Саратовской области закончились неудачей; за этот период не было выявлено ни одного случая уголовного преследования за мужеложство. Благодаря Алексею Килина за составление обзора по екатеринбургским делам.

87 Эти семь приговоров и апелляционные жалобы, состоящие каждая из 2–10 страниц, были выделены из одиннадцати тысяч страниц судебных документов, касающихся других преступлений (в основном контрреволюционной агитации, воровства и растрат, разбоя и убийств) за 1933–1941 годы: ЦГАМ ф. 819, оп. 2, дд. 1–45 (для периода 1933–1941): «Московский городской суд, 1933–1951». Документы распределены по годам, но не снабжены указателями.

предварительного следствия, протоколы допросов и судебного разбирательства, воссоздающих живую картину гомосексуальной практики конца 1930-х годов. Оно является показательным примером того, как полицейские и судебные процедуры применялись против гомосексуалов⁸⁸. Никаких дел по однополым правонарушениям за годы Великой Отечественной войны (1941–1945) в архиве не найдено.

В ЦГАМ я просмотрел восемь дел конца 1940-х — 1950-х годов, сохранивших полный набор документов. Два дела (1950 и 1955 годов) чрезвычайно интересны; они представляют собой уголовные преследования двух взрослых мужчин по обвинению в добровольном мужеложстве. Остальные дела касаются насильственных однополых сексуальных действий взрослых мужчин над несовершеннолетними в возрасте от 6 до 16 лет. За истечением срока давности судебные документы, согласно соответствующим протоколам ЦГАМ, подлежат периодическому уничтожению. Исключение было сделано для 2 % «наиболее репрезентативных» послевоенных судебных дел (особенно с 1945 по 1960 год), и не осталось никаких указаний на то, что было в остальных 98 % дел, упомянутых в описи⁸⁹. В результате из судебных отчетов окружного и городского судов Москвы за период с 1861 по 1960 год (кроме 1917–1930 годов) идентифицировано двадцать три случая уголовного преследования за однополые преступления. В их рамках было осуждено пятьдесят шесть человек, причем большинство — в период сталинской рекриминализации мужеложства и Большого террора⁹⁰.

88 С целью сохранения анонимности лиц, указанных в этих уголовных делах и приговорах (хранятся в ЦГАМ), я обозначил обвиняемых, чьи имена указаны, псевдонимами. Ради облегчения понимания текста, каждому судебному документу было присвоено сокращенное наименование, в котором нашли отражение тип документа (приговор или дело), за которым следуют имя основного обвиняемого и год разбирательства. Полные ссылки на документы приведены в библиографии.

89 Описи городских судов обычно начинаются с указания на данный порядок сохранения дел, но неясны критерии «репрезентативности», по которым осуществлялись выборки. Данная чистка судебных документов была проведена в 1970-х годах.

90 В дополнение к этому, в архиве Московской духовной консистории нашлось одно дело однополного правонарушения — в 1862 году сельский священник подозревался в изнасиловании восьмилетнего мальчика: ЦГААГМ, ф. 203, оп. 727, д. 518.

Хотя мне пришлось отказаться от изучения документов самой секретной российской полиции и институций, определявших политический курс страны, но по причине отсутствия доступа удалось плодотворно ознакомиться с документами из нижестоящих инстанций, в том числе из архивов народных комиссариатов юстиции и здравоохранения РСФСР. Сохранились ранние черновики (1918 и 1920 годов) первого Уголовного уложения России послереволюционного периода (правда, с чрезвычайно скупыми сопроводительными комментариями и записями дискуссий относительно преступлений против личности). В фонде Народного комиссариата здравоохранения РСФСР находится стенограмма заседания, состоявшегося в 1929 году в Ученом медицинском совете (высшем органе Комиссариата, определявшем политику в области науки и лечебной практики) по вопросу «трансвеститов» и «среднего пола». Также я использовал поправки Комиссариата к инструкциям по обнаружению признаков полового преступления (включая однополые правонарушения) на телах жертв и документы о роли судебной психиатрии в судопроизводстве 1930-х годов. Они демонстрируют эволюцию медицинских взглядов на гомосексуальность в советских условиях и косвенно освещают политическую ситуацию, в которой формировались.

Главы, посвященные мужчинам и женщинам, испытывавшим однополое влечение, основаны на вышеупомянутой психиатрической литературе и судебных отчетах. Русская медицинская литература, подобно европейской и американской психиатрической литературе по гомосексуальности и другим «половым извращениям», часто содержала развернутые автобиографические свидетельства из жизни пациентов. Поскольку обычно они писались не самими гомосексуалами, а врачами или исследователями, к этим документам нужно относиться с осторожностью. Тем не менее из-за своего разнообразия и географического охвата эти свидетельства нельзя рассматривать исключительно как чревоуверения докторов. Чтобы преодолеть неблагоприятные для этих свидетельств последствия прохождения сквозь фильтр медицины, я изучил биографическую литературу о некоторых известных личностях. Так, я опирался в том

числе на дневники Михаила Алексеевича Кузмина, поэта-символиста и автора романа «Крылья» (Санкт-Петербург, 1906) — первого в мире романа о каминг-ауте (рассказе окружающим о своей негетеросексуальной (или нецигендерной), т. е. не совпадающей с биологическим полом идентичности — прим. ред. и пер. Т. К.). Его дневники хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве (РГАЛИ). В них описывается повседневная сознательная жизнь гомосексуальной ленинградской семьи. Дневники были конфискованы НКВД в середине 1930-х годов, вероятно, с целью их проработки для арестов ленинградских гомосексуалов в эпоху Большого террора⁹¹. Замечательные биографические исследования Софьи Викторовны Поляковой и Дианы Льюис Бургин о поэтессе Софии Яковлевне Парнок послужили мне своеобразной «контрольной» литературой для понимания однополых отношений между образованными женщинами⁹².

Учитывая все это, я разделил книгу на три части. В первой рассматривается социальная основа жизни сексуально-гендерных диссидентов среди городского населения России конца царской эпохи и начала большевистского периода (начиная приблизительно с 1870 года и до 1927 года). Первая глава описывает традиционный порядок секса между мужчинами и его последующую эволюцию в мужскую гомосексуальную субкультуру в условиях российского города. Вторая глава намечает контуры половых отношений между женщинами, которые в данный период отличались большой активностью и разветвленностью.

91 Шумихин С. В. *Дневник Михаила Кузмина*. Доктор Шумихин щедро предоставил мне материалы и советы в РГАЛИ. Некоторые отрывки из дневников Кузмина были опубликованы: Кузмин М. А. *Дневник, 1905–1907*, ред. Богомолов Н. А. и Шумихин С. В. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2000; *Михаил Кузмин. Дневник 1921 года*, ред. Н. А. Богомолов и С. В. Шумихин // *Минувшее. Исторический альманах* (1993), т. 12, с. 423–94, т. 13, с. 457–524, и *Дневник 1934 года*, ред. Морев Г. А. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 1998. Биография Кузмина лучше всего представлена здесь: Богомолов Н. А. и Малмстад Д. *Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха*. М.: Новое литературное обозрение, 1996, переведена на англ. и переработана в Malmstad J. E. and Bogomolov N. *Mikhail Kuzmin: A Life in Art*. См. также Богомолов Н. А. *Михаил Кузмин: Статьи и материалы*. М.: Новое литературное обозрение, 1995.

92 Полякова С. *Поэзия Софии Парнок / София Парнок: Собрание стихотворений*, ред. Полякова С. Анн Арбор, Мичиган: Ардис, 1979; Burgin D. L. *Sophia Parnok*.

Во второй части исследуются вопросы регулирования гомосексуального влечения в период революционного поворота в 1917 году. Третья глава рассматривает царскую политику полицейского надзора над мужеложством и трибадизмом (однопольными сексуальными практиками между женщинами), проводившуюся в атмосфере лицемерия и снисходительности вкупе со слабо развитой и поверхностной медициной. Четвертая глава посвящена эволюции критики такого положения и появлению ряда последовательных предложений по декриминализации мужеложства (от проекта Уголовного уложения 1903 года до большевистских уголовных кодексов, принятых в РСФСР в 1922 и 1926 годах). Предметом исследования пятой главы является интерес медицины к гомосексуальности и перспективы гомосексуальной эмансипации в первые годы советской эпохи. Шестая глава рассматривает противоположные тенденции нового советского режима с его усиливающейся враждебностью к сексуально-гендерному диссидентству. В заключительной (седьмой) главе второй части повествуется о том, как в 1933–1934 годах произошла рекриминализация мужеложства и ресоциализация «маскулинизированной» советской женщины.

Третья часть является началом проекта, требующего значительно больше внимания, чем возможно уделить в рамках данной книги. Речь идет об исследовании судьбы гомосексуалов в условиях сталинистского социализма — от рекриминализации мужеложства в 1934 году до крушения коммунистического режима в 1991-м. В восьмой главе рассказывается об отношении к гомосексуалам в народных судах Москвы первой инстанции в эпоху террора и социальной консолидации (на основе протоколов судебных заседаний в 1935–1941 годах). Эпилог предлагает некоторые направления дальнейших исследований и несколько гипотез, основываясь на том, что изложено в книге. Здесь же описывается характер однополюх отношений в тюрьмах и ГУЛАГе, а также рассказывается, как после 1953 года медицина и милиция внедряли гендерное решение гомосексуального вопроса в позднесоветском обществе.

Часть первая

Однополю́ый э́рос в модернизирующей России

Глава 1

Артель развратников

Традиционный секс между мужчинами и появление гомосексуальной субкультуры

Историки обычно не уделяют должного внимания вопросу секса между мужчинами в контексте традиционной русской культуры. Игорь Кон утверждает, что даже в XIX столетии русская сексуальная культура подразделялась на «высокую» и «низкую», и такое деление было более глубоким, чем в сексуальных культурах Западной Европы. Бытовые сексуальные модели и практики широких слоев русского народа были отмечены печатью пережитков язычества (оргии, нерепродуктивные половые акты), которые Русская православная церковь так и не смогла искоренить из-за слабого влияния своих институций и священнослужителей. Духовные власти со смиренной снисходительностью смотрели «сквозь пальцы» на проявления народной сексуальной культуры, хотя публично Церковь «компенсировала [это] усиленным спиритуализмом и внемирским аскетизмом самой церковной доктрины» сексуальности и брака. Сексуальный фольклор, который находил свое выражение в эротических сказках, частушках и мате, отражал ценности, которые полностью расхо́дились с христианством⁹³. Кон не приводит теории о том, какое влияние столь глубокое расхождение между сакральным и профанным оказало на восприятие русскими секса между мужчинами. Представляется правдоподобным, что кажущаяся легкость и (в западноевропейском понимании) толерантность по отношению к мужскому однополю́ому э́росу выросла из народного репертуара грубоватых рассказов

93 Кон И. С. *Исторические судьбы русского Эроса*, с. 6–8. Подробное обсуждение сексуального фольклора России можно найти в очерках в Левитт М. и Топорков А., ред. *Эрос и порнография в русской культуре / Eros and Pornography in Russian Culture*. М.: Ладомир, 1999.

о «сексуальных шалостях» и относительно слабом регулировании сексуальных вопросов Православной церковью в XV–XVIII веках⁹⁴. Иностранцы, путешествовавшие в допетровское Московское государство, пишут, что мужеложство было широко распространено как на словах, так и на практике, без всяких видимых ограничений какими-либо религиозными убеждениями или гражданской моралью⁹⁵. Епитимьи, налагавшиеся Православной церковью за мужеложство, были более снисходительными по сравнению с каноническим и светским законами Западной Европы, и покаяние было равнозначно тому, что назначалось за прелюбодеяние между мужчиной и женщиной. В церковной традиции взаимные мужские отношения без анального проникновения считались лишь немногим хуже, чем мастурбация. При этом, как справедливо подчеркивает Ив Левин, в этой же самой традиции всякая сексуальность считалась подозрительной и представлялась источником скверны и греха (в том числе интимная близость в браке)⁹⁶.

Регулированием мужеложства Российское государство занялось позже западных стран; произошло это в рамках политики по введению новых форм социального контроля. Запрет мужеложства в армии Петром I в 1716 году наложил новые дисциплинарные ограничения на солдат и моряков, основанные на уроках европейской «революции в военном деле»⁹⁷. В 1835 году Николай I

94 Кон И. С. *Исторические судьбы русского Эроса*, с. 12. Спектр тропов мужской анальной пенетрации, выраженный в мате, огромен, и его значение для российских гендерных систем заслуживает изучения. См., например, Козловский В. *Арго русской гомосексуальной субкультуры: Материалы к изучению*, Бенсон, Вермонт: Chalidze Publications, 1986, с. 96–98; Ильясов Ф. и др. *Русский мат (Антология)*, М.: Лада-М, 1994.

95 Karlinsky S. *Russia's Gay Literature and History* обсуждает некоторые из таких свидетельств; см. также его *Russia's Gay Literature and Culture: The Impact of the October Revolution* in Duberman et al., *Hidden from History*, p. 348 и Riordan J. *Sexual Minorities: The Status of Gays and Lesbians in Russian-Soviet-Russian Society in Women in Russia and Ukraine*, ed. Rosalind Marsh. Cambridge: Cambridge University Press, 1996, p. 156–157.

96 Levin E. *Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs, 900–1700*. Ithaca: Cornell University Press, 1989, p. 199–202; см. также Кон И. С. *Лунный свет на заре: Лики и маски однополной любви*. М.: Олимп, 1998, с. 284.

97 Engelstein L. *The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia*. Ithaca: Cornell University Press, 1992, p. 58. О «революции в военном деле» см. Parker G. *The Military Revolution: Military innovation and the rise of the West, 1500–1800*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. Об этих преобразованиях в русском контексте см. Hellie R. *The Petrine Army: Continuity, Change and Impact // Canadian-American Slavic Studies*, vol. 8, no. 2 (1974), p. 237–253. Влияние рекрутирования и дисциплинарных практик, вдохновленных революцией в военном деле, на появление современной гомосексуальной идентичности заслуживает изучения как отдельное явление.

расширил этот запрет на гражданское мужское население России, надеясь привить религиозную мораль и социальные добродетели, которых, по-видимому, русским мужчинам все еще недоставало⁹⁸.

Усилия по привитию этих моралей свидетельствуют, что маскулинная традиция, в которой к взаимному эросу относились со снисхождением, продолжала существовать и в XIX столетии. Медицинские и законодательные источники, а также дневники, датируемые периодом после 1861 года, дают понять, что эта традиция процветала. Мужчины, испытывавшие однополое влечение, выражали его в соответствии со своими социальными ролями. Мастерские, бани, а также большие домохозяйства были местами, где однополые отношения существовали внутри этой традиции. Важно подчеркнуть, что такие места можно было найти как в провинции, так и в столицах. Хозяева и слуги, извозчики и их пассажиры, посетители бань и банщики, мастеровые и их ученики, духовенство и послушники — никто не упускал случая воспользоваться своим положением, чтобы получить или предоставить сексуальные услуги. Этих мужчин и юношей не стоит называть гомосексуалами в современном (европейском) смысле слова. Их культура маскулинности *подразумевала* снисходительное отношение к однополому эросу и не навязывала обязательных суровых наказаний, которые впоследствии стали характеризовать стигматизированное медиализированное существование гомосексуальности⁹⁹.

98 В этом смысле государственное регулирование предшествовало интернализации [процессу присвоения внешних норм — Прим. пер. и ред. нового издания (Т. К.)] современных форм морали, см. Кон И. С. *Исторические судьбы русского Эроса*, с. 6. История этого регулирования обсуждается в третьей главе.

99 Тезис о том, что однополые эротические отношения между европейцами раннего Нового времени были частью общей мужской культуры, приводит *Rocke M. Forbidden Friendships: Homosexuality and Male Culture in Renaissance Florence*. New York: Oxford University Press, 1996. Писавший под псевдонимом Константин К. Ротиков использует недифференцированную и эссенциализированную «гомосексуальность» для описания взаимной мужской сексуальности в Санкт-Петербурге с момента его основания в 1703 году до XX века. В своей книге *Другой Петербург*, СПб: Лига Плюс, 1998, Ротиков использует литературные сплетни и легенды (без указания источника), чтобы доказать, что «гомосексуалы» были постоянной чертой частной жизни Санкт-Петербурга. Он не проводит никакого различия между формами традиционного русского взаимного мужского эроса и более поздними моделями «гомосексуальной» субкультуры.

Артель развратников

В середине XIX века Россия оставалась обществом, которого едва коснулись индустриализация и урбанизация, менявшие в то время облик Западной Европы. Подавляющим большинством населения были крестьяне, из них около двадцати миллионов — крепостные (вплоть до отмены крепостного права в 1861 году). Взаимоотношения помещиков, дворовых и крестьян оставались патриархальными; помещики часто вторгались в половую и частную жизнь своих людей. Равным образом патрон-клиентские отношения и сопутствующие им иерархии доминировали в городских мастерских и духовных заведениях. Однополый эрос между мужчинами случался в данной среде и отражал характерную для нее модель доминирования и подчинения.

Сексуально доступных, склонных к подчинению мужчин можно было найти во многих местах. Состоятельные мужчины, зачастую пользуясь согласием, которое предоставляли водка и деньги, легко отыскивали нужных мужчин или юношей. Московский купец (родом из крестьян) приводит прекрасный пример подобных отношений. В 1861 году Павел Васильевич Медведев вел дневник, описывающий его собственный эмоциональный и сексуальный опыт¹⁰⁰. Будучи несчастен в браке, Медведев искал утешения то в церкви, то в трактире. Напившись, он предавался «сладострастию» и с мужчинами, и с женщинами — и заносил эти встречи в свой дневник. Документ свидетельствует главным образом о традиционной маскулинной культуре, снисходительной к сексу между мужчинами. Однако денежная оплата услуг, которая была характерна для некоторых из встреч Медведева, а также их место (вне дома) свидетельствуют о том, что начинался переход к гомосексуальной субкультуре модерной эпохи.

Когда похоть подогревалась водкой, Медведев и его приятели неоднократно обращались за сексом к мужчинам, стоящим

100 Burds J. *Diary of Moscow Merchant Pavel Vasil'evich Medvedev, 1854–1864*. Department of History, Northwestern University, Boston, photocopy. Я благодарен Джеффри Бёрдсу за щедро предоставленный мне доступ к расшифровке текста дневника Медведева за 1861 год, который содержит эти истории. О дневнике см. Куприянов А. И. *Пагубная страсть московского купца // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории*, ред. Бессмертный Ю. Л. и Бойцов М. А. М.: РГГУ РАН, 1997.